

РУССКИЕ БОНАПАРТИСТЫ В ФИНЛЯНДИИ.

Героическая борьба, которую ведет небольшой финляндский народ против русского царизма, имеет важное политическое значение для судеб России. Русскому обществу представляется возможность изучить на практике, чем может, чем должна быть упорная и стойкая борьба с насилием самодержавия и как бессильно последнее в борьбе с мужественной и серьезной политической оппозицией. Русскому либералу стоит также вдуматься в значение финляндских событий, чтобы понять, как беспочвенны всякие надежды на мирное сожительство самодержавия с какими бы то ни было началами европейского правового порядка. И всей русской либеральной и социалистической оппозиции следует на финляндской политике русского правительства изучать все характерные черты позорящего Россию режима, — того режима, который ухитрился совместить в себе азиатскую жестокость с иезуитским коварством.

С первых же дней той отчаянной борьбы, которая завязалась между финской нацией и русским самодержавием, последнее прибегло к тактике заигрывания с немущими классами Финляндии, дабы приманить их к себе обещанием «экономических» подачек и натравить против имущих классов Финляндии, поскольку последние борются за конституционную свободу. Известно, что подобной тактики в течение известного времени держался во Франции Людовик Наполеон Бонапарт (Наполеон III). После того как Николай Романов, по его примеру, растоптал ногами ту самую конституцию, которой он торжественно поклялся в верности, — ему было совершенно к лицу сдобрить «искони-русскую» политику кнута и нагайки бонапартистской демагогией.

Дело началось с сельского финляндского пролетариата (торпарей) и продолжилось средним крестьянством, которое шпионы и агенты русского правительства бунтовали против городской буржуазии, интеллигенции и землевладельцев, боровшихся за конституцию. После того как русский царизм испробовал свои бонапартистские способности в отечественной «зубатовщине», он мог дерзнуть на решительный шаг в сторону финляндского городского пролетариата.

Но в России размах зубатовского бонапартизма воле-неволей суживается под влиянием страха перед мощью «всероссийского купечества». Поэтому, при всей своей кричащей наглости, зубатовские эксперименты носят довольно неуверенный характер. Все помнят, как трусил Зубатов, когда его агенты было не на шутку разожгли стачечное движение в Москве. Спекулируя на классовой вражде между русским пролетариатом и русской буржуазией, самодержавие не решается позволить ей развиваться до тех пределов, за которыми эта буржуазия будет вы-

нуждена поднять знамя возмущения против устоев полицейского самодержавия. Другое дело — в Финляндии, где русскому самодержавию уже нечего терять в симпатиях какой бы то ни было части населения, где глубокая, непримиримая ненависть к нему уже стала первым требованием гражданской чести. В Финляндии бонапартисты царизма могут себе позволить пуститься во все тяжкие.

Выждав удобный момент, шайка, предводительствуемая Бобриковым, на-днях протанцовала под звуки «Боже, царя храни» самый разухабистый бонапартистский канкан.

Дело было 2 марта, в то самое воскресенье, когда русский пролетариат в Ростове-на-Дону оглашал улицы города криками: «долой самодержавие!», а пролетариат нашей южной окраины — в Баку — при тех же криках победоносно отражал казаков, избивал представителя царской власти — вице-губернатора — и наглядно показывал русскому царизму, что кавказский рабочий не верит сказке о «демократической» подкладке той обрусительной политики, которую самодержавие ведет на Кавказе так же, как и в Финляндии, в борьбе с армянской буржуазией так же, как и с финской и шведской.

Факты таковы. Безработные г. Гельсингфорса, обратившиеся в городской магистрат (городская управа) за помощью, получили в ней отказ. Тогда рабочие направились к назначенному русским правительством (незаконно, противоконституционно назначенному) губернатору Кайгородову, тому самому губернатору, который в прошлом году устроил первое в истории Финляндии избиение мирных демонстрантов (в том числе и рабочих) и который за это — по финляндской конституции наказуемое — преступление был бы непременно осужден, если бы царь не запретил судьям его судить (см. №№ 35 и 36 «Искры»).

«Разумеется, русский губернатор по-русски и встретил финских рабочих», — рассказывает корреспондент «Московских Вед». Читатель ошибается, если подумает, что г. Кайгородов «по-русски» обругал рабочих, обратившихся за помощью к правительству. Нет, «он выразил прежде всего сожаление, что к нему так поздно обратились, и обещал сделать все от него зависящее для облегчения нужды». Дело было доложено обер-палачу Финляндии Бобрикову, и последний приказал «Красному Кресту» уже через два дня открыть две столовые для раздачи горячей пищи нуждающимся рабочим. «Предположено также учредить раздачу денег для выкупа заложенного платья, белья и рабочего инструмента». Во главе особой комиссии, заведующей этим делом, стоит помощник ген.-губернатора Дейтрих. В первый день обеды выданы 300 чел., во второй — 600, а с третьего дня уже тысяче человек ежедневно.

Открытие столовых произошло 2 марта с чрезвычайной торжественностью. Тайный советник Дейтрих в речи к рабочим сказал, что «сердцу русского царя столь же близки его верноподданные финны, как и жители средних русских губерний, и он не позволит умереть с голоду никому из своих верноподданных». В ответ на эту речь печник Филипп Лайне, «член Рабочего Комитета», «выражал глубокую благодарность за быструю и сердечную помощь» и т. д. Словом, повидимому, «клянуло». С свойственным им цинизмом, «Моск. Вед.» указывают, что гельсингфорские рабочие долго крепились прежде, чем обратиться за помощью к врагу своей родины, но, говорят они, «голод не тетка, а нужда не свой брат», — и финляндские пролетарии (предварительно отплюнувшись) пошли к Кайгородову.

Буржуазия всегда остается буржуазией, и нас не удивляет то отношение, какое гельсингфорские рабочие встретили со стороны магистрата. Несомненно, что на гельсингфорскую буржуазию падает добрая доля ответственности за происшедший 2 марта политический скандал, за то, что новая демагогическая выходка генерала Бобрикова увенчалась известным успехом. Но вина, падающая на буржуазию, насколько не ослабляет печального впечатления, которое производит поведение части гельсингфорских рабочих. Что «голод не тетка», — мы хорошо знаем, и мы последними бросили бы камень в того, кого крайняя нужда толкнула на неверный шаг. И, тем не менее, мы должны выразить глубокое сожаление, которое разделит с нами весь сознательный русский пролетариат, — сожаление о том, что часть финских рабочих попала в ловушку, подставленную ей царским правительством.

Буржуазия всегда остается буржуазией, и даже в моменты крайнего патриотического и оппозиционного напряжения она способна скорее рисковать потерей политической позиции в борьбе с дикой реакцией, чем уступить голодному пролетарию крохи из прибавочной стоимости. Но политика сознательного пролетариата не может в своих основных чертах определяться большей или меньшей черствостью, большей или меньшей степенью классового эгоизма, который проявляет в данный момент буржуазия. Политика сознательного пролетариата имеет более глубокие, более устойчивые корни в его классовых интересах. Сознательный пролетариат не становится менее революционным в своем отношении к имущим классам оттого, что эти последние по тем или другим соображениям бросили ему подачку своей филантропической помощи; но он и не разменивает своего глубоко-революционного отношения к буржуазии на мелкое и недостойное «подсживание» ее услугами ее политическому противнику (тем более, если этот противник в то же время и еще более — враг самого пролетариата). Словом, сознательный пролетариат не превращает своего классового протеста в орудие демагогической игры реакционных партий; он не продает своего революционного права за чечевичную похлебку «экономической помощи».

Нет сомнения, что передовые элементы финляндского пролетариата укажут своим менее сознательным товарищам на всю недостойность и политическую опасность той роли, какую они приняли на себя в фарсе, разыгранном Бобриковым и его слугами. Финляндский пролетариат,

доселе стоявший в первых рядах борцов против царского произвола в Финляндии, обманет расчеты высокопоставленных зубатовцев.

Финляндская рабочая партия раз'яснит также прогрессивной финской буржуазии всю политическую опасность той деморализации народной массы, к которой — на пользу Бобрикову и его шайке — должно привести своекорыстно-кулацкое отношение к бедствиям пролетариата.

Наше дело — указать русским рабочим на приемы царской политики в Финляндии, на ее демагогический характер. Наше дело — воспользоваться для просвещения классового самосознания русского пролетариата тем агитационным материалом, какой доставляет и еще будет доставлять политика царизма на окраинах.

В борьбе с свободолюбивыми элементами Польши самодержавие заигрывало с польским крестьянством и, чтобы отрезать польскую революцию от польского мужика, облегчало ему условия освобождения от крепостной зависимости в то самое время, когда в России, под защитой царских штыков, производилось ограбление крестьян дворянами и бессовестное урезывание крестьянских наделов.

Чтобы ослабить оппозицию балтийских помещиков и горожан-немцев, самодержавие выступало в роли защитника эстонских и латышских крестьян, в роли попечителя об их экономических нуждах, об их национальных интересах.

Чтобы расстроить ряды единодушного в борьбе за свои конституционные вольности финского народа, самодержавие через наемных агентов раздувало классовую ненависть в безземельном крестьянстве Финляндии, тщетно пытаясь выступить в роли его покровителя.

Теперь обогренное кровью русских, польских, латышских, еврейских, армянских и грузинских рабочих, самодержавие думает фигурировать перед пролетариатом финским в ореоле «социальной политики» — политики «сердечного попечения».

Вы забыли, господа, что теперь каждое ваше политическое действие станет известно сотням тысяч поднявшегося русского пролетариата и что каждое слово, в демагогических целях брошенное вами в Финляндии, станет исходной точкой для соц.-демократич. агитации в России.

«Русский царь не позволит умереть с голоду ни одному из своих верноподданных», — сказал помощник ген.-губернатора Дейтрих 2 марта в Гельсингфорсе. Запомните эти слова, русские рабочие!

Несомненно, царь не любит, чтобы голодающие русские рабочие умирали с голоду. Он предпочитает... чтобы они умирали от пуль и штыков христолюбивого воинства, как это опять было в Златоусте.

Царь не только «не позволяет умереть с голоду» своим «верноподданным», он «не позволяет» им думать о голодной смерти своих собратьев, он запрещает всякую общественную самодетельность в деле помощи тем миллионам голодающих, которых плодит его политика, его финансовая система, его покровительство эксплуататорам!

Чтобы не дать умереть с голоду своим «верноподданным» финским рабочим, царь открывает в Гельсингфорсе столовые для безработных. Почему же только в Гельсингфорсе? Почему вдесятеро больше массы безработных в Петербурге и Киеве, Москве и Ива-

нове, Екатеринославе и Баку, Ростове и Саратове, — почему они не слышат ничего о подобных мерах помощи жертвам промышленного кризиса? Почему «Красный Крест», вместо того чтобы употреблять собранные по всей России средства на дело политического подкупа в Финляндии, не затратит их на устройство столовых для безработных в русских городах? Лицемерие царской двойной бухгалтерии хорошо иллюстрируется тем фактом, что в то самое время, как тысячи гельсингфорских рабочих выдаются бесплатные обеды, казенный оружейный завод в Туле разом рассчитывает 1.500 рабочих, обрекая их на голодное существование (см. прокламацию Тульск. Ком.).

В достаточно отвратительном свете выступает «царское правительство», когда оно полицейским насилием отводит руку помощи от голодающего, когда оно запрещает рабочим организовывать помощь своим нуждающимся товарищам. Но еще отвратительнее, когда то же самодержавие, подобно старому развратнику, покупает ласку своих «верноподданных», выдавая голодному «пособие» под условием присяги на измену делу свободы*.

Для русских рабочих будет также интересно узнать, что организацию раздачи бесплатных обедов русское правительство передало Гельсингфорскому Рабочему Союзу. Наши русские рабочие союзы к такой любезности со стороны властей не привыкли. Наши рабочие союзы преследуются, члены их высылаются, деньги конфискуются. Несомненно, такой же «порядок» самодержавие заведет в Финляндии, если ему удастся ее «обрусить», упразднив ее конституцию и распространив на нее действие всех русских законов и всего самодержавного беззакония. Но на пути к этой благородной цели русское правительство, не моргнув глазом, вступает в официальные переговоры с финским рабочим союзом, как с легальным представителем рабочего класса. Это делает то самое правительство, которое в России не признает за рабочими даже права выбирать официальных депутатов для передачи их требований во время стачек. Русские рабочие увидят на этом факте, что царизм не исповедует никаких политических принципов и что, преследуя профессиональную борьбу русских рабочих, он просто обнаруживает свою интимную близость с интересами русских капиталистов.

Политическая комедия, разыгранная в Гельсингфорсе 2 марта, является новым эпизодом в развитии той «зубатовщины», которая, ярко обличая бессилие царизма в его борьбе с народом, в свою очередь чрезвычайно ускоряет разложение самодержавного порядка.

На зубатовские эксперименты в России пролетариат снова дал выразительный ответ политическими демонстрациями в Ростове и Томске, Белостоке и Батуме, Баку и Тифлисе. И мы с полным правом можем сказать финской демократии, против которой направлен новый шахматный ход Бобрикова и Дейтриха: держитесь твердо и всеми силами отстаивайте свою оборонительную позицию до тех пор, пока русский народ могучим напором свалит трон русского деспота и снимет осаду с ваших крепостей. Этот момент не за горами.

* «Все нуждающиеся, — сказал, по словам «Моск. Вед.», печник Лайне, — постараются... повиновением властям отблагодарить за оказываемую помощь».

* * *

Р. С. Иностранная печать заговаривает о предстоящем введении в Финляндии, как выражаются газеты, «военной диктатуры», т. е. о предоставлении финляндскому генерал-губернатору Бобрикову неограниченных полномочий по упразднению всякой законности в Финляндии. Русские бонапартисты, как и подобает вообще бонапартистам, быстро идут к полному государственному перевороту, к переведению конституционной страны на положение самых бесправных русских «окаин». Финляндия не примирится с таким позорным положением. Пусть же она ищет из него выхода там, где он только и возможен: в деятельной поддержке русской революции!

[Л. Мартов]

ОГРАНИЧЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ.

Попытки ограничения деспотизма предпринимались в России еще в ее средневековый период. Начало положено при Иоанне IV в виде «ближнего совета», созданного кн. Курбским, Адашевым и Сильвестром; это «дерзновенное» предприятие ограничить «древле-богоданную» власть блестяще изображено в переписке Грозного с Курбским, в этой боевой полемике русского самодержавия с феодализмом.

С прекращением дома Рюриковичей, когда боярство начало возводить на престол царей, оно стало брать с них «опасные грамоты». До нас дошли тексты грамот, данных Иваном V¹, Шуйским и польским королевичем Владиславом; они гораздо выше первой английской хартии, данной Генрихом I, которая явилась основой Великой Хартии Вольностей.

О Михаиле Романове сохранились лишь упоминания у Котошихина², что с него «грамотку брали». Про Алексея Михайловича тот же автор говорит, что «этого так на престол пустили, ибо тишайшим почитали». Но у жены тишайшего царя родился сын*, гений которого, как обыкновенно считают, дал России цивилизацию; теперь же можно с уверенностью сказать, что его самого вынес поток западного движения, и Петр только придал этому просветительному движению деспотическую окраску, — дав России главных врагов народа: централизацию правительственной власти и постоянные войска, а первой ревизией официально закрепостив крестьян.

Со смертью Петра начались «происки честолюбцев»: был учрежден верховный совет и в 1730 г., при возведении на престол Анны Иоанновны, этот совет решил «себе полегчить» и «воли прибавить». И сказка, распускаемая некоторыми историками, что дворянство уничтожило ограничительные «пункты», пожелав иметь самодержавную государыню, не верна, — дворянство представило свои проекты конституции, только более демократические, потому что верховный совет уделял слишком мало места простому шляхетству, а падение месячной конституции совершилось при содействии гвардии и духовенства.

* Петр не был сыном А. М. и знал это; однажды он спросил Тихона Стрешнева: «Скажи по правде, ты ль мой отец?» — Кто его знает, Петр Алексеевич, — ответил боярин: — в те времена многие были вхожи к царице Наталье Кирилловне.

Большинство иностранных послов приветствовали новое правление на манер «швецкого и английского». Эта попытка могла бы, несомненно, сыграть крупную роль в русской истории, но она не удалась, благодаря заботы средних классов, и невольно вспоминаются слова главы тогдашних конституционалистов, Д. М. Голицына: «Трапеза была уготовлена, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дела. Так и быть, пострадаю за отечество, — мне уже немного осталось, и те, которые заставляют меня плакать, будут плакать долее моего».

После свержения миропомazanного «скомороха» — Петра III — была сделана последняя временно-удачная попытка ограничения самодержавия: по инициативе гр. Панина Екатерина была возведена на престол с титулом «правительницы» и с обязательством организовать правительство; за образец была взята, как и при Анне Иоанновне, шведская конституция, — но и этот проект остался под сукном.

Далее идут свободолюбивые мечты Александра I, подарившего Россию Аракчеевым; тени декабристов, тени тысяч замученных жертв, и в этом мраке светлым лучом мелькает лишь первое марта, взрыв бесильной мести, последний удар кучки героев, припертых к стене.

Теперь снова поднимается старый вопрос об ограничении самодержавия, как намекает манифест 26 февраля, — об его падении, скажем мы. «Новые ноты звучат в этом манифесте», — замечают заграничная печать и русский обыватель; «видна неизвестная рука», — размышляет либерал, перебирая в уме царедворцев. «На этот манифест наложила печать рука революционной партии, это — мускулистые руки миллионов рабочего люда», — скажем мы.

Давно мы не слышали упоминаний о революционной партии в высочайших манифестах, да еще таким торжественным тоном. А вдумайтесь в самый текст: на первом плане такая широкая принципиальная мера, как свобода вероисповеданий, рядом улучшение положения духовенства. Что это значит? — то, что все слои русского населения недовольны, а потому нужно успокоить хоть некоторые, — это новая политика; прием Победоносцева, — отвлечение народа в сторону религии, — не удался, пробуют другое *. Эта мера имеет глубокий смысл: в России около 20 милл. раскольников и около 7 милл. сектантов **, веротерпимость может успокоить эту страшно раздраженную часть населения ***. Но мать святая церковь живет безгрешными доходами с еретиков, вот почему ей жалуют воспомоществование. Насколько удастся эта мера, сказать трудно, но во всяком случае социальномистические секты, т. е. весь юг России, пойдут дальше — к революционерам, а раскольники, если и успокоятся, то скоро получат временные правила в редакции «лисицы православия».

Еще принципиальный пункт: расширение местного самоуправления... под руководством сильной власти. Этим и либералов не обманешь: бюрократические ведомства прикрыты слишком наивно. Остальные меры

* Черниговское и саровское комедные³ действия могут быть объяснены только стремлением сеять фанатизм.

** По официальным данным их значится, конечно, меньше.

*** Разумеется, фразой о «веротерпимости» самодержавие думает только надуть сектантов и раскольников: как это хорошо разъяснили «Моск. Вед.» и «Миссионерское Обозрение», веротерпимость в духе «основных законов» означает самое изверское преследование «отпавших от православия» и распространяется (и то чуть-чуть) только на официальные внеправославные церкви.

Прим. ред.

УБИЙСТВО СИПЯГИНА — В ПРОВИНЦИИ.

(К годовщине второго апреля.)

Я жил в одном провинциальном большом городе, когда совершенно было убийство Сипягина. Официальная весть об этом убийстве дошла в наш город только к полудню следующего дня, т. е. 3 апреля. Первый, из уст которого я услышал об убийстве, был прокурор местного окружного суда, с которым я встретился случайно в аптеке. «Сипягин убит», — сказал прокурор, обращаясь ко мне почти на ухо, и в голосе его дрогнула та неуловимая смешанная нотка, которой обыкновенно прикрывают русские бюрократы перед обывателем свои настоящие чувства. В самом деле, все лицо прокурора превратилось в сплошную улыбку, а тон его слов был иезуитски грустен. Но что меня особенно поразило, так это то, что прокурор ограничился только лаконическим сообщением факта без обычной в таких случаях квалификации поступка «преступника». Я вышел из аптеки, ошеломленный не только известием, но и прокурором, передавшим это известие. Прокурор этот среди горожан слыл за «каторжного», вследствие своих обвинительных речей, и, значит, был далеко не из либеральствующих...

В местных газетах не было еще телеграммы об убийстве, таковая пришла только к вечеру этого дня, и потому таинственность, в которую облек прокурор свои сообщения, становилась для меня ясной. Когда я шел по улицам города, переживая впечатления только что слышанного, навстречу мне шел городской мировой судья, и по сияющему его лицу я мог уже догадаться, что он намерен передать мне что-либо очень важное. Действительно, не успел он мне еще подать руки, как из груди его вырвался восторженный звук голоса: «Знаете, батенька, новость! Сипягина убили! Вот это я понимаю, это не то, что ваши социал-демократы, марксисты!». Судья был очень добродушный человек и часто любил уколоть в моих глазах социал-демократию... Сангвинический по своему темпераменту, судья засыпал меня целым потоком своих чувств по поводу убийства. «Собаке собачья и смерть», — заключил он, озираясь по сторонам, нет ли где-нибудь «царевых ушей», так называл он шпионов, которых, к слову сказать, в нашем городе был особенно большой наплыв.

Распрошавшись с судьей, я сел на извозчика и поехал в частный коммерческий банк, где у меня в этот день было небольшое дело. В банке было очень много самого разнообразного народа. Я ожидал своей очереди и стоял в хвосте кучки клиентов, но был неожиданно заинтересован довольно оживленной беседой одного

«улучшения», как-то: мелкий кредит, уничтожение круговой поруки, выход из общины, приход, как самостоятельная единица, — это меры фискально-экономические, мы их оставляем в стороне, заметим только, что учреждение приходов пахнет проектом Мещерского, — приходские начальники, т. е. умножение земских до бесконечности.

Да и все это только декорации; центр тяжести лежит в строках о «смуте» и «крамоле», — они вызвали «историческое событие», по поводу которого теперь скажут и ликуют нововременские публицисты; но в голосах даже этих холопов слышится что-то особенное. Теперь уже не то блаженное время, когда после подобных манифестов, также вызванных революционерами, в газетах всех оттенков, от Каткова до Гаммы (г. Градовский), раздавалось дружное «ату! души крамолу!» История не повторяется, — утверждаем мы в противоположность некоторым доморощенным теоретикам. Настоящий момент особенно связан «с идеей рабочего сословия», оно недавно призвало к порядку русских чиновников, насильевавших личность, — близко время, когда оно призывает на суд весь современный строй. Все чувствуют это: с высоты престола пишут об успокоении возбужденных умов, заграничные газеты твердят о вступлении России на новый путь, либеральные сурки копошатся в своих норах, официозные публицисты вместо призыва к борьбе с крамолой тонко намекают на лучи восходящей зари и томно задумываются, а Николай II втихомолку заказывает своему учителю хоть куцую, а все-таки конституцию *. Ясно, что русское самодержавие хочет вступить на путь компромиссов, но теперь уже поздно; есть лишь два выхода: демократическая конституция или столкновение, в резуль-

* Нам известно из достоверного источника, что проф. Ключевскому официально заказано написать историю Земских Соборов.

тате которого никто не сомневается, и мы его предпочтем. «Пролетарии ничего не могут потерять в борьбе кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир».

[В. Северцов - В. В. Филатов]

Г. СТРУВЕ, ИЗОБЛИЧЕННЫЙ СВОИМ СОТРУДНИКОМ.

№ 17 «Освобождения» принес много приятного для «Искры» вообще и для пишущего эти строки в особенности. Для «Искры» потому, что ей приятно было видеть некоторый результат своих усилий подвинуть г. Струве влево, приятно встретить резкую критику половинчатости у г. сс., приятно читать о намерении «освобожденцев» создать «открыто и решительно конституционную партию» с требованием всеобщего избирательного права в программе. Для пишущего эти строки — потому, что г. сс., «принимавший выдающееся участие в выработке заявления „от русских конституционалистов“ в № 1 „Освобождения“», и, след., являющийся не простым даже сотрудником, а до некоторой степени хозяином г. Струве, оказал неожиданно большую услугу в полемике против г. Струве. Я позволю себе начать с этого, второго пункта. В № 2-3 «Зари» я полемизировал в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» с г. Р. Н. С., автором предисловия к известной записке Витте⁴. Я показал там двусмысленность всей позиции г. Р. Н. С., говорившего об аннибаловой клятве борьбы с самодержавием и в то же время обращавшегося с елейными речами к власти имущим, к мудрым консерваторам, в то же время выдвигавшего «формулу»: «права и властное земство» и т. д. и т. д. Публика узнала теперь из второго издания «записки»,

высокого молодого человека с служащими банка, стоявшими по соседству со мной у отверстия небольшой банковской конторки. Как оказалось, беседа шла об убийстве Сипягина, весть о котором уже дошла и сюда. Молодой человек, как оказалось потом, был премьер местной драматической труппы и передавал свои впечатления об убийстве служащему банка. Мало-по-малу возле разговаривающих образовалась порядочная кучка клиентов, заинтересованных громкой и оживленной беседой. «Сипягина убили за то, что больно крут был, — произнес артист своим грудным высоким голосом, привыкшим к декламации. — Вряд ли кто пожалеет о нем, — продолжал он дальше: — кому его жалеть? Разве что дворянам, но, например, хотя я и дворянин, но я всех людей люблю, а он жалел только дворян!», — закончил он. Служащий, видимо, испугавшись той откровенной почвы, на которую перешел неожиданно разговор с артистом, ничего ему не отвечал. Но зато в разговор вмешался стоявший сзади артиста местный купец, ведущий довольно широкую торговлю в городе. «Да что и говорить, — сказал он, — министр, царствие ему небесное, заслужил своей смерти. Мы от него много натерпелись. Собачник, а не человек», — закончил купец свою реплику. Личность убившего, повидимому, мало интересовала разговаривавших. Но интереснее всего то, что среди собравшихся в банке публики не слышно было ни одного слова со-

жаления и осуждения по поводу убийства Сипягина. Весть здесь все приняли как должное, как нечто, чего уж ждали.

Артист, поразивший меня своею откровенностью и оценкой факта, скоро ушел. Когда же я кончил свое дело и направился к выходу, то меня остановил директор банка и начал интерpellировать по поводу «сенсационного убийства». «Кто может быть убийцей?» — спросил у меня директор. Я сказал, что я знаю об убийстве только от прокурора. «Знаете, кто бы он ни был, а важен факт, что таких личностей, как Сипягин, действительно нельзя ставить во главе такого ответственного перед страной министерства, как мин. вн. дел. Возьмите хотя бы его последние циркуляры о 600 высланных в Сибирь студентах Московского университета, согласитесь, что это абсурд, дикий абсурд, чего не может быть при умном министре. Пусть этот факт послужит правительству предостережением при выборе заместителя», — закончил мой собеседник. Я ничего не возражал этому коммерческому дельцу, я знал его как яркого поклонника Витте и его надувательской финансовой системы.

Возвращаясь из банка, я встречал на улице много знакомых, и оказывалось, что все они уже были осведомлены об убийстве Сипягина также из частных источников. Стоустая молва разнесла известие во все концы города.

что г. Р. Н. С. — это г. Струве. Моя критика в высшей степени не понравилась г. Струве, и он обрушился на меня с предлинным и пресердитым «примечанием к примечанию».

Посмотрим на доводы г. Струве.

Первым примером «неосновательности и несправедливости» моих «полемиических красот» является то, что я говорил об антипатии г. Струве к революционерам, несмотря на его «совершенно, якобы, ясное заявление». Приведем это заявление полностью. «Аттестат, выданный земству самой бюрократией, — писал г. Струве, — служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности». В примечании к этой тираде г. Струве оговаривался: «этими словами мы вовсе не хотим задеть революционных деятелей, в которых нельзя не ценить прежде всего нравственного мужества в борьбе с произволом».

Таковы «документы по делу» о неосновательной и несправедливой критике. Предоставляем читателю судить, кто прав: тот ли, кто находил это заявление совершенно ясным, или тот, кто говорил, что г. Струве поправляется из кулька в рогожку, «задевая» (не названных им точно) революционеров «анонимным» (неизвестно против кого направленным) не только обвинением в невежестве, но еще и предположением, будто пилюлю обвинения в невежестве их можно заставить проглотить, если позолотить ее признанием их «нравственного мужества».

Я же, с своей стороны, скажу лишь: разные бываю вкусы. Многие либералы считают верхом такта и мудрости раздавать революционерам аттестаты за мужество, третируя в то же время их программу просто как фразу,

как проявление недостаточного образования, и не давая даже разбора по существу их воззрений. По нашему, это не такт и не мудрость, а недостойная увертка. Дело вкуса. Русским Тьерам, конечно, нравятся салонно-приличные, парламентски-безупречные оппортунистические фразы настоящих Тьеров.

Пойдем дальше. Я, изволите видеть, «притворился непонимающим, что формула „властное всероссийское земство“ означает требование конституции», и мои рассуждения об этом «лишний раз подтвердили (для г. Струве) широкое распространение в нашей заграничной литературе подлинной революционной фразы, и притом еще злобно-тенденциозной» (этот непривлекательный литературный стиль особенно процветает на страницах «Искры» и «Зари», стр. XII второго издания «Записки»). Ну, что касается до злобной тенденциозности, то нам об этом трудно спорить с г. Струве: для него попреком кажется то, что нам кажется комплиментом. Тенденциозностью называют либералы и многие радикалы непреклонную твердость убеждений, а резкую критику ошибочных взглядов они называют «злобой». Тут уж ничего не поделаешь. Mea culpa, mea maxima culpa! ⁵ и был и пребуду «злобно-тенденциозным» по отношению к гг. Струве. А вот другое обвинение — по существу. Притворялся я непонимающим или не понимал на самом деле, да и нельзя было понять? Вот вопрос.

Я утверждал, что формула «права и властное земство» есть недостойное заигрывание с политическими предрассудками широкой массы русских либералов, что это не «зная, позволяющее отделять врагов от союзников» (это заметьте!), а «тряпка, которая поможет только примазаться к движению самым ненадежным людям» (стр. 95 в № 2-3 «Зари»). Я спрашиваю всех и каждого: при чем тут мое «притворство»??

Встречаясь в этот день со многими обывателями и делаясь впечатлениями, я вынес то убеждение, что все рады убийству и с нескрываемыми симпатиями относятся к своему неизвестному еще тогда по имени избавителю. Один чиновник акцизного ведомства, у которого я когда-то имел урок и которого я никогда бы не заподозрил в каких-либо «превратных толкованиях», встретившись со мною в этот день, начал передавать мне свою радость по поводу убийства. «Одним мерзавцем меньше стало» — заключил он свое известие об убийстве. «Когда мы узнали об этом в акцизном управлении, то многие согласны были отслужить молебен по случаю избавления от супостата». — «Да, но ведь другой негодяй займет его место», — сказал я, продолжая удивляться в глубине души такому неожиданному повороту в моем акцизном. «Другой все же побойтся так сделать, как убитый», — ответил мне на это мой акцизный. Заинтересовавшись дальше психологической эволюцией чиновника, я предложил ему вопрос: «Да почему же вы недовольны Сипягиным-то были?» «Как чем? Разве мы ничего не видели? А „временные правила“, а студенческие волнения, ведь и у меня, чай, сын студент и потерпел ни за что ни про что».

Я пытался возразить, что, покуда будет жить известная политическая система, с необходимой последовательностью рождающая Сипягиных, до тех пор надеяться, что

после Сипягина будет легче, крайне неосновательно. Но чиновник мой был на этот раз тверд и непоколебим и стоял на своем. Мы разошлись. Впечатления этого дня были настолько разнообразны и, быть может, новы для меня, что я положительно устал и до самого вечера просидел у себя в комнате. Вечером собрались ко мне мои знакомые самых разнообразных общественных рангов и настроений. Был здесь и городской врач, сохранивший радикальный образ мыслей до седых волос, человек очень преданный своему делу, его жена, тоже из бывших радикалок, местные присяжные поверенные, студенты и курсистки, один служащий в банке, два провинциальных журналиста, двое поднадзорных из бывш. студентов.

Несмотря на разношерстность собравшейся у меня публики, беседа в этот вечер завязалась сразу очень непринужденная и оживленная. Конечно, центром, около которого вращались все разговоры, было известие об убийстве Сипягина, которое приподняло настроение у всех присутствующих. Все чувствовали себя бодрее и живее, обычная сутолока серых обывательских будней, державшая всех моих гостей в своей нераздельной власти, куда-то отлетела далеко прочь в этот памятный вечер. Большинство собравшихся склонялось к той мысли, что убийство Сипягина должно собой знаменовать поворот в русской революционной деятельности к традициям ста-

Я прямо говорю, что считаю это знамя — тряпкой, а мне отвечают: вы притворяетесь непонимающим! Да ведь это не что иное, как новая увертка от разбора вопроса по существу, от разбора вопроса: годится ли «формула» больше для знамени или больше для тряпки!

Мало того. Я могу теперь, благодаря любезной помощи г. сс., доказать фактически нечто гораздо большее. Я могу доказать, что «недостойное заигрывание» было со стороны г. Струве не только в смысле филистерского доктринерства, желающего умилить правительству своею скромностью, не только в смысле неразумного желания объединить «либералов» на минимуме, но и в смысле прямого, непосредственного «заигрывания» с известными г. Струве сторонниками самодержавия. Г. сс. разоблачает г. Струве беспощадно и бесповоротно, говоря, что «неясный и двусмысленный (слушайте!) славянофильский⁶ лозунг «земский собор» выдвигается в целях удобства «ненатурального союза» либералов-конституционалистов и либеральных сторонников идеального самодержавия. Г. сс. называет это не больше не меньше, как «политической эквилибристикой»!! И г. Струве расписывается в получении... называя лозунг земского собора «неопределенным и своею неопределенностью ценным (курсив наш!) и в то же время опасным».

Не правда ли, хорошо? Когда социал-демократ называл еще более двусмысленный лозунг (властное земство) недостойным заигрыванием, — тогда г. Струве рядился в тогу оскорбленной невинности и жеманно говорил о притворном непонимании. А когда либерал, г. сс., повторил то же самое, г. Струве любезно расклялся и расписался в получении! Неопределенный лозунг именно своею неопределенностью и был ценен для г. Струве, который нисколько не стесняется признать,

что он готов пускать в ход и опасные лозунги, смотря по ветру. Кажется сильным и авторитетным г-н Шипов⁷, — и редактор либерального органа будет говорить о властном земстве. Показался сильным и авторитетным г. сс., — и редактор либерального органа будет говорить о конституции и всеобщем избирательном праве! Недурная картинка политических нравов и политической нравственности в либеральном лагере... Г. Струве забывает только подумать, какую цену будут иметь его заявления после этой великолепной метаморфозы: в январе 1901 г. г. Струве требует «прав и властного земства»; в декабре 1902 г. г. Струве объявляет «притворством» непонимание того, что это означает требование конституции; в феврале 1903 г. г. Струве заявляет, что по существу он никогда не сомневался в справедливости всеобщего избирательного права и что неопределенный лозунг земского собора именно своею неопределенностью и был ценен. Спрашивается: какое право имеет теперь любой политический деятель, любой русский гражданин утверждать, что завтра г. Струве не выдвинет нового, «ценного своею неопределенностью», лозунга??

Перейдем к последнему пункту ответа г. Струве. «Разве не революционная фраза, — спрашивает он, — или совершенно безжизненное доктринерство рассуждения г. Т. П. о значении земства, как орудия укрепления самодержавия?» Г. Струве видит тут и усвоение идеи славянофилов, и согласие с Горемыкиным, и геркулесовы столбы мертвой доктрины. Г. Струве совершенно не в состоянии понять революционного отношения к половинчатым реформам, предпринимаемым для избежания революции. Г. Струве всякое указание на двойную игру реформаторов сверху кажется славянофильством и реакционностью, — тот-в-точь так, как все

рого народовольчества, которые находили себе симпатии среди некоторых моих гостей и раньше этого. Доктор, читавший либеральную легальную газету, а из нелегальной прессы — «Искру» и всегда восторженно отзывавшийся о последней за ее серьезный и научный тон в политических и социальных вопросах, на этот раз, под влиянием событий, начал возражать «Искре» на ее статью против террора, помещенную в первых номерах ее. Вообще нужно еще сказать, что доктор этот, являвшийся поклонником «Русских Вед.», мало следил за общей прессой за отсутствием у него свободного времени. Если же выдавалась свободная минута, то он посвящал ее по старой памяти нелегальной прессе, среди которой отличал только «Искру» и часто с нетерпением ожидал эту газету и руководящую в ней статью по одному из волнующих его вопросов, не удовлетворяясь постановкой их в «Р. Вед.». «Посмотрим, — говорил он обыкновенно в таких случаях, — что скажет по этому поводу „Искра“». Теперь же он решительно утверждал, что «Искра», наверное, должна будет переменить свое отношение к террору. Ему вторили его жена и один из студентов. Жена доктора была известной и завзятой культурницей и не было, кажется, в городе ни одного просветительного учреждения, в котором бы она не принимала живейшего участия. Служащий из банка, обыкновенно казавшийся мне малоинтересным человеком и только из любопытства

интересовавшийся время от времени «политикой», сведения о которой он черпал из московского «Курьера», на этот раз, однако, казался особенно возбужденным. «У нас в России, по моему мнению, — говорил он, — только и возможно добиться чего-нибудь от правительства посредством убийства лиц, стоящих во главе правительства; поэтому убийство Сипягина мы должны особенно приветствовать как начало новой эры в нашем освободительном движении, а пропаганда и агитация в массах ни к чему не приведут. Только террор и военные заговоры могут дать плодотворные результаты для всего общества и народа». Со стороны слушателей посыпались разного рода возражения. Доктор и юристы утверждали, что без масс ничего не поделаешь с озверевшим правительством. Пусть идет агитация и пропаганда в народе, но, — говорили они, — параллельно с этой деятельностью должна существовать деятельность по острастке правительства. Вообще, — говорили они, — пора уже давно бросить ту, усвоенную русскими марксистами узкую точку зрения, по которой выходит, что только один рабочий народ в состоянии произвести у нас революцию. Надо напрячь все силы русского общества на борьбу с царизмом, — заключил один присяжный поверенный, славившийся своим либерализмом. Надо заметить, что всеми присутствовавшими читались кое-какие нелегальные издания, хотя в нашем городе «Рев. России», которая, наверно, нашла бы себе многих поклонников

европейские Ивы Гюйо⁷ объявляют реакционной социалистическую критику частной собственности! Неудивительно, конечно, что, ставши реформатором, г. Струве утратил способность понимать двусторонний характер реформ и значение их, как орудия укрепления господства правящих, — укрепления ценой октроирования реформ. Но... было время, когда г. Струве понимал эту удивительно хитрую механику. Давно это было, когда он был «чуть-чуть марксистом» и когда мы вместе с ним сражались с народниками на страницах покойного «Нового Слова»⁹. В июльской книжке этого журнала за 1897 г. г. Струве писал про Н. В. Водовозова: «Я помню, в 1890 г. у нас на улице — я только что вернулся тогда из летнего, обильного новыми и сильными впечатлениями путешествия по Германии — зашел разговор о политике и реформаторских планах Вильгельма II. Водовозов придавал им значение и не соглашался со мной, для которого уже тогда (а теперь и подавно) вопрос о значении факта и идеи так называемой „социальной монархии“ был бесповоротно решен в отрицательном смысле. Водовозов брал идею социальной реформы отвлеченно от творящих ее реальных общественных сил. Вот почему католический социализм для него главным образом — своеобразное идейное движение в пользу социальной реформы, а не специфическая форма предохранительной реакции европейской буржуазии и отчасти обломков европейского феодализма против растущего рабочего движения... Вот видите: в давно-прошедшие времена, в эпоху молодых увлечений, г. Струве понимал, что реформы могут быть предохранительной реакцией, т. е. предохраняющей правящие классы от падения мерою, которая направлена против революционного класса, хотя и улучшает положение этого класса. И я спрашиваю теперь читателя: кто же прав? Я ли сказал «ре-

волюционную фразу», разоблачая реформистскую односторонность в отношении г. Струве к такой реформе, как земство? или г. Струве поумнел и «бесповоротно» ушел от когда-то защищаемой им (бесповоротно будто бы) позиции революционера? Я ли стал сторонником славянофилов и Горемыкина или у г. Струве «сильных впечатлений» от путешествия по социалистической Германии хватило всего на несколько лет??

Да, да, разные бывают представления о силе впечатлений, о силе убеждений, о значении убеждений, о совместимости политической нравственности и политической убежденности с выставлением ценных своею неопределенностью лозунгов...

В заключение не могу не отметить некоторых заявлений г. Струве, значительно «омрачающих» приятное впечатление от его поворота влево. Выставив только одно демократическое требование (всеобщей подачи голосов), г. Струве спешит уже говорить о «либерально-демократической партии». Не раненько ли? Не лучше ли было бы сначала точно указать все те демократические преобразования, которых безусловно требует партия не только в аграрной и рабочей, но и в политической программе, а потом уже наклеивать ярлык, потом уже претендовать на повышение из «ранга» либералов в ранг либеральных демократов? Ведь всеобщая подача голосов есть тот минимум демократизма, который признан даже некоторыми консерваторами, примирившимися (в Европе) с выборами вообще. А дальше этого минимума г. Струве почему-то не идет ни в № 17 ни в № 18. Мы отметим далее, мимоходом, курьезное замечание г. Струве, что проблема социализма должна быть совершенно оставлена в стороне либерально-демократической партией «прежде всего потому, что социализм в самом деле только еще проблема». А не потому, по-

среди обывателей своей пресловутой «программной шириной», у нас еще не было, за исключением № 4. Но этот № 4 «Рев. Росс.» почти никому не понравился главным образом своим, как говорили обыватели из либералов, ходульным, неискренним революционным пафосом, и сравнивали при этом ее с «Нар. Волей», причем сравнение было далеко не в пользу «Рев. Росс.». «Искра» же нравилась очень многим из читавших ее главным образом своею «серьезностью и деловитостью», и потому она распространялась в нескольких экземплярах между либеральными элементами из горожан. Отнюдь того же нельзя сказать про постановку принципиальных вопросов в «Искре». С этой точки зрения находили, что «Искра» низводит все классы, за исключением рабочего, к ничтожеству, и потому, мол, не права, хотя, несмотря на это, все ждали нового номера «Искры» с особым интересом. Она даже читалась в чиновничьей среде. Но здесь находили, что нехорошо, мол, что «Искра» ругает всех министров без разбора и не подчеркивает преимущества одного перед другим.

Некоторые мои знакомые, уходя от меня с вечера и недовольные моими возражениями по поводу террора, говорили: «Посмотрим, что скажет по этому поводу „Искра“».

На другой день, когда появились в местных газетах телеграммы об убийстве и обстановке, при которой оно

произошло, главный интерес обывателей сконцентрировался уже не на личности убитого министра, а на таинственной личности убившего. Телеграмма сообщала столько неожиданного для обывательского ума, что дала ему обильную пищу для самых нелепых и фантастических построений. То обстоятельство, что фамилия убившего не была сообщена, послужило к тому, что обыватель глубокомысленно заключал: «тут что-нибудь не просто». И пошли догадки. На всех перекрестках провинциальные Добчинские и Бобчинские трубили, что в убийстве Сипягина кроется какая-то «дворцовая интрига» и что убивший, как многозначительно сообщил мне мелочной торговец, — «сам великий князь»... Были вариации на эту же тему в продолжение почти целого месяца. То говорили, что убивший действительно адъютант; то, что он армейский офицер; то, что князь какой-то Оболенский и т. п. Наконец, убийство объяснялось какими-то адюльтерными похождениями министра, который и был убит своим соперником. Этот последний слух особенно упорно циркулировал среди мещанства и городской бедноты. Наконец, спустя уже неделю, когда я случайно попал на заседание местного общества грамотности, то там уже говорили, что убийца — Малышев, как сообщил местный инспектор народных училищ, только что вернувшийся из Петербурга, и что убийство несомненно политическое. Публика, около 150 чел.,

чтеннейший г. Струве, что «либерально-демократические» элементы русского общества выражают интересы классов, противящихся социалистическим требованиям пролетариата? Это — мимоходом, повторяю, чтобы отметить новые приемы «отрицания» социализма гг. либералами. По существу же дела, разумеется, г. Струве прав, что либерально-«демократическая» партия не есть партия социалистическая и не прилично было бы для нее корчить из себя таковую.

Насчет тактики новой партии г. Струве выражается как нельзя более уклончиво. Это очень жаль. И еще более жаль, что он опять и опять повторяет и подчеркивает необходимость «двуединой тактики» в смысле «умелого, гибкого и неразрывного совмещения» легального и нелегального приемов действия. В лучшем случае это — отговорка от настоятельных вопросов о приемах нелегальных действий. А вопрос этот настоятелен, потому что только систематическая нелегальная деятельность определяет на деле физиономию партии. В худшем же случае это — повторение того вилянья, которым отделялся г. Струве, когда он писал о «правах и властном земстве», а не об открыто и решительно конституционной и «демократической» партии. Всякая нелегальная партия «совмещает» нелегальные и легальные действия в том смысле, что она опирается на массы не участвующих прямо в «нелегалитине» людей, что она поддерживает легальные протесты, пользуется легальными возможностями пропаганды, организации и проч. Это общеизвестно, и не об этом говорят, когда говорят о тактике нелегальной партии. Говорят о бесповоротном признании этой партией борьбы, о выработке способов борьбы, об обязанности членов партии не ограничиваться легальными протестами, а все и вся подчинять интересам и требованиям револю-

ционной борьбы. Если нет систематической нелегальной деятельности и революционной борьбы, то нет и партии, которая бы могла действительно быть конституционной (не говоря уже о том, чтобы быть демократическою). И нельзя принести большего вреда делу борьбы, как смешивая революционную работу, опирающуюся на широкую массу, использующую широкие организации, помогающую политическому воспитанию легальных деятелей, с работой, ограничивающейся рамками легальности.

[Н. Ленин]

СНОВА КРОВЬ...

9 марта батумские рабочие демонстрировали против самодержавия, расстрелявшего около года тому назад 13 их товарищей, которые требовали освобождения арестованных стачечников. А через четыре дня на другом конце России, в Златоусте, по такому же поводу солдаты убили 28 рабочих и ранили пятьдесят человек (по правительственному сообщению!).

Уфимский губернатор не только «превзошел» кутаисского в деле массового убийства безоружных, но и вообще «побил рекорд» в этом благородном спорте. Еще ни разу в России не убивали в один день такую массу рабочих во славу самодержавия!

Кровожадность больших и маленьких самодержцев, правящих Россией, принимает какой-то чудовищный, «сверхчеловеческий» характер. И преступность терзающего Россию правительства как нельзя лучше выступает в том поразительном факте, что для совершения своих самых кровавых оргий оно выбирает моменты экономической борьбы рабочих, — борьбы, непосредственно не

собравшаяся на это заседание, в перерывах все время толковала об этом известии на разные лады. Но все сходились на том, что «так нужно было поступить с негодеем», что общество «должно гордиться тем, что в его среде находятся еще люди, способные протестовать», как говорил один довольно крупный судейский чиновник, в обычное время проводивший за карточным столом весь свой досуг. Несмотря на то, что на заседании присутствовали и крупные чиновники, ни слова осуждения убитому Сипягина здесь не было произнесено. Наоборот, со всех сторон сыпались осуждения убитому министру, начиная от самой осторожной, замаскированной формы до открытого порицания его образа действий. Местное общество грамотности было центром, вокруг которого группировались самые различные элементы местного интеллигентного общества, и потому, несомненно, услышанные здесь мнения по поводу убийства являлись типичным выражением мнений местного интеллигентного общества. Но мне хотелось бы отметить здесь ту разницу впечатлений, которая сказалась на местном обществе по поводу убийства Сипягина и бывшей за год демонстрации у Казанского собора и затем студенческих волнений. Помню, что, когда дошли сюда первые известия о студенческих волнениях и демонстрации 4 марта, то общество местное, с верхов и до низов его, все встрепенулось и как будто на миг готово было приступить

к самодеятельности. Постоянные сообщения из Петербурга и других городов о студенческих забастовках в связи с поддержкой их рабочими пробудили здесь столько розовых иллюзий, что местные старожилы не могли припомнить ничего подобного в жизни местного общества даже во времена самой горячей, самой страстной террористической борьбы. Действительно, возбужденность здесь дошла тогда до такой степени, что местные адвокаты устроили несколько вечеринок с целью собрать средства на помощь студентам и демонстрантам, чего почти не встречается в летописях современного провинциального города. Особенно возбужденность местного общества возросла после того, как проник, оказавшийся потом ложным, слух о том, что в Москве и Петербурге примкнули к движению все местные представители либеральных профессий, образовав собой «Комитет общественной безопасности», во главе с одним выдающимся современным литератором. Говорилось, что уже набрано около 15 тыс. подписей под петицией, требующей конституции, и что под ней уже подписались все литераторы. Это обстоятельство вызвало здесь настоящие приготовления к конституции, и все почти местное общество ждало и своей очереди. Все жили лихорадочной, нервной жизнью. Даже среди местных педагогов возникли различного рода предположения. Помню, один учитель местной духовной семинарии, встретив меня на улице,

преследующей политических целей. Один этот факт лучше десятка статей разоблачает гнусное лицемерие зубатовской сказки о том, что рабочие, отказавшись от политики, избавятся от преследований правительства.

Вспомните наиболее яркие проявления самодержавного разгула последнего времени. Во всех случаях, где царское воинство кололо и стреляло, трагический оборот событий неизбежно вызывался или—всего чаще—арестом участников стачки, либо попыткой властей насильственно разгонять собрания стачечников. Именно арест стачечников вызвал те «беспорядки», которые привели к первым убийствам рабочих в течение этого царствования (в Ярославле). Такие же аресты привели к трагическому концу стачки Домбровскую (1897 г.), Максвельскую (1898), Рижскую, Мариупольскую (1899), Батумскую (1902) и нынешнюю Златоустовскую. С другой стороны, стремление во что бы то ни стало помешать собраниям стачечников было причиной бойни на Обуховском заводе (1901) и в Ростове и Тихорецкой (ноябрь 1902 г.).

Всеми мерами, вплоть до расстрела рабочих, самодержавие стремится раздавить экономическую борьбу рабочих, вырвать с корнем стачечное движение. Но, как свидетельствует царский министр Витте в своей прошлогодней записке (см. «Самодержавие и стачки», изд. Лиги, стр. 17), «всякая забастовка, составляющая несомненно нарушение обычного, нормального порядка работ в промышленном заведении, не составляет еще нарушения порядка общественного... Крайне трудно допустить, чтобы рабочие решились на столь убыточное для них средство, как стачка, без достаточных к тому поводов» (стр. 19). «Забастовка есть совершенно естественное явление,

органически связанное с современными экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд, и не могущее быть устраненным при помощи подавления и пресечения отдельных случаев его проявления» (стр. 20). «История забастовок, происходивших в течение последнего десятилетия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления к быстрому подавлению возникающих осложнений какой бы то ни было ценой» (стр. 24).

Так говорит Витте, и эти слова бесповоротно осуждают преступное правительство, продолжающее убивать стачечников. Лучше нельзя было, чем это сделал Витте, признать, что русское самодержавие стоит в коренном противоречии с теми потребностями народной жизни, которые неизбежно создаются современными экономическими условиями. И если правительство, уже сознав всю неизбежность стачек, как результата капиталистических отношений производства, продолжает, тем не менее, средствами дикого насилия превращать всякое «мирное» столкновение труда с капиталом в «беспорядки», сопровождаемые кровавой бойней,—то оно лишь свидетельствует о своей полнейшей неспособности обеспечить «порядок» в управляемой им стране. Устранение такого правительства является поэтому делом, в котором заинтересованы все классы населения: как пролетариат, так и буржуазия.

Еще ни одной освободительной революции не предшествовало столько злодеяний бющейся в агонии реакции, сколько их предшествует приближающейся русской революции. И львиную долю в издержках этой последней ставки реакции приходится уплачивать своею кровью русскому пролетариату. Тем неумолимее, тем грознее он

сказал мне: «Наконец-то, мыдвигаемся к конституции». Везде шли денежные сборы, на заседаниях думы и в благотворительных обществах читались студенческие воззвания и воззвания, подписанные «Группа старых радикалов в Спб», частью отгектографированные, частью отпечатанные. По улицам были разбросаны переписанные на месте на пишущих машинах те же воззвания, которые читались даже в офицерском клубе. Сбитая с толку полиция не знала, что делать, и пустилась на тщетные поиски «крамолы». Эти воззвания ходили по рукам и в местных гимназиях. То обстоятельство, что слухи, шедшие через местных студентов из Петербурга и Москвы, приписывали важное значение участию рабочих в студенческих волнениях, особенно сильно действовало на обывательские умы. Везде говорилось о том, что мы переживаем «канун революции».

Теперь же происходило совершенно обратное. Обыватель, как громом пораженный убийством Сипягина, старался выставить себя современным передовым человеком и потому преклонялся перед героизмом убившего, но в мыслях у него и тени того не было, что мы переживаем «канун революции». Он рад избавлению от деспота-министра, но у него проскальзывает уже мысль, что «моя хата с краю»; особенно ярко это сказалось после того, как остыло первое впечатление после известия об убийстве. Начала замечаться полная индифе-

рентность даже к случившемуся. Когда я встретился с одним довольно видным обывателем города, играющим крупную роль в местной думе, то он, так симпатично отнесшийся к факту убийства Сипягина в первый момент, теперь, через короткое время, совсем уж этим не интересовался и говорил довольно долго на тему о том, что мы «ох, как далеки от конституции». То же приблизительно настроение царило почти во всех сферах местного общества. Интерес к убийству Сипягина постепенно ослабевал и только в великосветских гостиных он давал обильную пищу для разговоров. Говорили тогда, что местный губернатор и некоторые высшие чиновники из мин. вн. дел были особенно рады тому обстоятельству, что «карающая рука убрала с их дороги ненавистного министра», и ждали от его ближайшего заместителя очень многого для своей служебной карьеры. Ждали здесь в местных сферах, что слух о том, что министром будет назначен Витте, осуществится, и это обстоятельство приводило в неописуемый восторг местного управляющего акцизными сборами, которого местные обыватели уже прочили на пост губернатора в одну из внутренних губерний. Но когда стало известным, что министром назначен Плеве-вешатель, многие из чиновничества были разочарованы, так как их мечта относительно «повышений» оставалась неопределенной, как неопределен был для них и сам Плеве. После известной «исто-

выступит в последней схватке между Россией и царизмом, тем вернее будет тот смертельный удар, который он нанесет монархии.

[Л. Мартов]

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

От редакции. Предлагаемая статья, написанная польскими товарищами для нашей газеты, дает ценные указания по важному для партии вопросу о взаимных отношениях между соц.-демократами разных наций в пределах одного государства. Взгляды авторов статьи совпадают с нашими собственными.

* * *

Вопрос о формах организации и об отношении к другим национальностям, так живо интересующий теперь русских соц.-демократов в виду предстоящего им объединения, занимал недавно также и немецких соц.-демократов. Читателям «Искры», наверно, небезынтересно будет поэтому познакомиться с результатами, к которым пришли наши товарищи в Германии, составляющие авангард интернационального социалистического пролетариата.

Поводом для разбора этих вопросов послужили серьезные разногласия с группой польских социалистов, организованных в Польскую Социалистическую Партию (П. П. С.). История этих разногласий вкратце следующая.

После падения исключительного закона о социалистах правление немецкой соц.-демократии решило обратить серьезное внимание на агитацию среди польских рабочих, которая до этого находилась в самом плачевном состоянии. Конгресс в Галле в 1890 г. решил по предложению Бебеля основать еженедельную польскую газету, которая действительно начала скоро выходить на средства немецкой партии. В первые годы польские социалисты не составляли особой организации и входили, как отдельные члены, в местные немецкие политические группы. В 1893 г. они создают с согласия правления немецкой партии польскую организацию (П. П. С.), руководствуясь при этом сообра-

жениями чисто практического характера — необходимостью урегулировать агитацию.

С середины девяностых годов, однако, среди польских товарищей (которые до этого, уже имея, подобно баденским, гессенским и др. немецким соц.-демократам, свою собственную организацию, оставались вполне на почве программы и организации германской социал-демократической партии и признавали конгрессы и правление последней высшими инстанциями) начинает сказываться влияние течения, охватившего значительно раньше польскую социалистическую эмиграцию за границей и часть движения в русской Польше, — течения, которое считает восстановление самостоятельного польского классового государства главной и ближайшей задачей польского пролетариата. По мере того, как это новое требование занимает все более видное место в агитации, в П. П. С. начинает проявляться и усиливаться сепаратизм по отношению к немецким товарищам. Члены П. П. С. настаивают в 1897 г. на Гамбургском конгрессе на назначении специально польских кандидатов при выборах в рейхстаг, ведут пропаганду в пользу устройства особых польских отделений рабочих союзов наперекор стараниям последних постоянно соединять в общих профессиональных организациях всех рабочих независимо от национальности, резко выступают против присылки немецких агитаторов в польские провинции и их деятельности, выставляя их «агентами» немецкой партии, и кончают обвинением немецкой соц.-демократии в германизаторских стремлениях и шовинизме по отношению к полякам.

Нападки эти заставили правление немецкой партии вынуждены, хотя и по частному поводу, в дело, и в конце 1900 г. оно созвало для разбора разногласий специальную конференцию, состоявшую из польских и немецких соц.-демократов в Познани и горной Силезии, из представителей от П. П. С., а также из делегатов Генеральной Комиссии (центрального комитета) соединенных рабочих союзов. «Факты, которые были при этом (на конференции) установлены, — говорит Генеральная Комиссия в своем печатном отчете Штуттгартскому конгрессу рабочих союзов 1902 г. (см. прот. конгресса, стр. 12—13), — говорили очень не в пользу правления польской партии»... «Ни рабочим союзам, — продолжает она, — ни правлению (немецкой) партии никогда и в голову не приходило делать германиза-

рической» речи г. Плеве местное общество начало ее комментировать на разные лады. Одни радовались назначению Плеве, другие же не высказывались по этому поводу определенно. Некоторые обыватели, даже из тех, кто приветствовал убийство Сипягина, усмотрели в знаменитой речи Плеве «новый, более легкий» курс внутренней политики и поэтому не менее рады были и этому обстоятельству. Когда же в «Русск. Вед.» появилась одна из тех характеристик Плеве, которыми русские либералы, якобы, спасают свою шкуру, сделанная наспех по традиционно-либеральному принципу: «применительно к подлости», то местное общество совершенно примирилось с Плеве, а юристы увидели в том, что Плеве—юрист по образованию, для себя нечто providенциальное. Председатель местного окружного суда, с традициями 60-х годов, приветствовал вступление Плеве в министерство как «знамение времени». Так смотрели на дело очень многие даже и тогда, когда в газетах появилось распоряжение о предании дела об убийстве Сипягина военно-окружному суду, и это в глазах местного общества несколько не говорило против Плеве, так как к этому времени здесь циркулировал упорный слух о нежелании Плеве приговаривать убившего к смертной казни.

Личностью убившего стали еще меньше интересоваться, только из Малышева он превратился в сына егермейстера Балашева. Правда, продолжали еще гово-

рить о нем, но тон разговоров даже в либеральных сферах постепенно стал понижаться, и только мои близкие знакомые из революционной среды, случайно и временно проживавшие здесь, очень искренно относились к той высоко-героической личности, имя которой правительство почему-то пожелало скрыть от общества до дня смертной казни.

Та эволюция настроений местного общества, которую оно пережило под влиянием убийства Сипягина, повидимому, несколько не отразилась на настроении мелкого городского обывателя и ремесленника. По крайней мере, тот индифферентизм к этому событию, который был замечен в этой среде в самый момент извещения об убийстве, несколько не изменился впоследствии. Мне пришлось столкнуться с тремя ремесленниками-столярами, и они решили почему-то, что Сипягин был убит не «из-за любовных своих походов», а из-за студентов... «Оно, должно быть, его студенты убили, — говорил мне знакомый столяр, — потому, стало быть, некому больше». Когда я стал возражать, что Сипягина убили за то, что он мучил народ, и что убивший его — святой человек, столяр, казалось, мало понял меня и перешел уже к другим вопросам и стал расспрашивать у меня про харьковские и полтавские беспорядки, слух о которых начал проникать тогда в местную народную среду. Оказывалось, таким образом, что слух этот касался более

торские попытки. Они всегда выступали за то, чтобы каждому человеку предоставлено было право свободного употребления родного языка и чтобы национальные особенности были уважаемы и признаны. Угнетенные всех стран нашли в современном рабочем движении энергичного защитника. Но это рабочее движение стремится не к созданию новых государственных формаций, а к тому, чтобы обеспечить всему пролетариату, независимо от искусственно созданных политических границ, более высокий уровень существования и окончательное освобождение от ига капитализма. Оно не обращает внимания на то, к какой нации принадлежит эксплуатирующий капиталист или эксплуатируемый рабочий, а борется против первого и старается защитить последнего, безразлично, принадлежит ли она к русской или японской национальности. Поэтому жалкой попыткой являются старания правления польской партии создать антагонизм между говорящими по-польски и говорящими по-немецки борцами за освобождение пролетариата и заподозривать агитаторов немецкого рабочего движения».

Правление немецкой соц.-демократии высказалось по этому поводу не менее решительно. «На этой конференции, — пишет оно в своем отчете Любекскому конгрессу 1901 года (см. проток., стр. 26), — польские товарищи развивали взгляды, в виду которых для правления партии стало обязанностью прекратить всякую дальнейшую помощь польской организации. Об успешной работе рядом и совместно друг с другом нечего было и думать.

Нужно заметить, что П. П. С. получила от немецких товарищей, как это констатировал Бебель на конгрессе, в течение десяти лет около 40 тысяч марок.

В 1901 г. П. П. С. сделала последний шаг на пути сепаратизма, решив на своем съезде порвать организационную связь с немецкой соц.-демократией, и, выступая отдельно, как самостоятельная независимая партия, выставить в местностях с преобладающим польским населением при выборах в рейхстаг собственные кандидатуры. Это решение было направлено не только против немецких, но также против польских социал-демократов, так как нужно заметить что в П. П. С. организована только часть польских социалистов в Германии, в то время как другая их часть, имеющая за собою организацию в сердце немец-

кой Польши — в Познани, с самого начала решительно выступила против внесения в программу требования восстановления Польши и сепаратизма П. П. С. и продолжала оставаться попрежнему в теснейшей организационной связи с немецкой соц.-демократией. Таким образом, когда в прошлом году П. П. С. назначила, согласно своему решению, в восьми округах горной Силезии своих кандидатов, а немецкие и польские товарищи, принадлежащие к общей партии, назначили, как в прежние годы, своих, — отчасти поляков, отчасти немцев, — то получился факт, небывалый в истории социалистического движения в Германии со времени соединения лассальянцев с эйзенахцами: двойные социалистические кандидатуры в одних и тех же округах, причем в некоторых польские кандидаты, выбранные немецкими товарищами, противостояли польским же кандидатам, поставленным Польской Социалистической Партией (П. П. С.). Борьба национальная между поляками и немцами приняла форму борьбы между двумя фракциями польского социализма.

На Мюнхенском конгрессе немецкой социал-демократии была принята резолюция Розы Люксембург с прибавлением Бебеля, указывающая на полную солидарность интересов польского и немецкого пролетариата, на полную равноправность польских социалистов в рядах германской соц.-демократии и поддержку, которую они всегда находили в немецких товарищах, и объявляющая, в виду всего этого, «отдельные группы, называемой П. П. С., от общей партии, поступком, которого нельзя оправдать». Резолюция «строго осуждает двойные кандидатуры, выставленные П. П. С., и поручает правлению партии попытаться достигнуть соглашения». Последние слова представляют дополнение к резолюции, предложенное Бебелем, которое объясняется тем, что П. П. С. обратилась накануне конгресса к правлению с предложением войти в соглашение.

В октябре прошлого года была созвана конференция представителей заинтересованных в деле организаций для обсуждения спорных вопросов и, прежде всего, вопроса об организац. отношениях П. П. С. к немецкой социал-демократии. Представители первой добивались от немецких товарищей признания их организации автономной частью общегерманской партии, решающей свои внутренние дела совершенно самостоятельно. Признавая решения общих

понятных для моего собеседника вопросов... Пришлось мне также говорить с мужиками из близлежащих к городу деревень, но оказалось, что об убийстве Сипягина они услышали в первый раз только от меня. За неделю до смертной казни интерес к делу об убийстве Сипягина у местного общества опять пробудился, но не надолго. Откуда-то, — как говорили, через местных студентов из Петербурга, — проник слух, что убивший после совершения убийства бежал, что его не арестовали, а увезли его же товарищи, переодетые в жандармов. Передавали, что когда Сипягин упал, то об этом дали знать жандармам, через десять минут уже подкатила карета с жандармами и убившего увезли. Все будто бы думали, что его арестовали настоящие жандармы, но когда через несколько минут после мнимого ареста явились другие, уже настоящие жандармы, то все увидели себя мистифицированными. Этот слух, как и другой, о том, что убивший в момент ареста отравился, казался тогда правдоподобным, тем более, что правительство упорно скрывало имя убившего. Так думало все местное общество. Ходили слухи после этого о том, что в убийстве Сипягина действовала какая-то организация, но никто ничего положительного сказать не мог. Вскоре после этого, однако, правительственное сообщение лаконически уведомило русского обывателя о смертной казни над Степаном Валериановичем Балмашевым, избавившим Россию от

министра Сипягина. Это сообщение прошло здесь совершенно незаметно, никто на нем не останавливался, только местная университетская молодежь, учившаяся в Киевском университете, узнала в казненном своего товарища и послала русскому правительству не одно искреннее проклятие. Либеральная публика была этим сообщением как будто пришиблена. Спустя немного времени к нам дошли слухи, что поступок казненного взяла на себя партия социалистов-революционеров, о существовании которой до тех пор даже среди интересовавшихся течениями революционной общественной мысли были самые смутные представления. Этот слух, однако, не произвел в местном обществе никакой перемены в отношении к казненному герою, поступок которого здесь, как и в других городах, был признаваем за единоличное решение глубоко-чувствующей молодой честной души, решившей казнью Сипягина избавить русское общество от тех неслыханно дерзких преступлений, которыми запятнал себя Сипягин в глазах всех честно-мыслящих русских людей.

А. Светлов [Л. С. Федорченко]

конгрессов в вопросах, касающихся всего государства, обязательными также для себя, они требовали в то же время, чтобы на общих конгрессах немецкие делегаты воздерживались от голосования в делах, которые касаются поляков, причем последние, со своей стороны, отказываются от голоса в делах, касающихся только населения немецкой национальности. Польскими делами заведует только правление польской партии. В округах со смешанным населением полякам предоставляется право назначать своих делегатов на общие конгрессы особо от местных немецких товарищей.

Трудно точно определить, какой формы организации добивались делегаты П. П. С. — автономной или федеративной, так как в их приведенных нами окончательных требованиях недостает некоторых существенных моментов партийной федерации. Правление немецкой партии не сочло, однако, возможным согласиться на предложение П. П. С., настаивая, со своей стороны, также по отношению к польским членам партии на строгом проведении централистических начал, на которых построена организация германской социал-демократии.

Сообразно с этим оно предложило следующую основу для соглашения:

«Признание польской организации под условием, что она должна заниматься агитацией и организацией среди польского населения Германии.

«Принадлежность польской организации к общей социал-демократической партии Германии. Признание ею программы немецкой партии и партийных инстанций (т. е. конгрессов и правления).

«Выбор делегатов на немецкие конгрессы на основании немецкого организационного устава.

«Право польской организации основывать свои секции».

Смысл приведенных условий ясен: они распространяют на П. П. С. организационный устав германской соц.-демократии, причем конгресс и правление последней представляют высшую инстанцию также при решении польских дел и ограничивают в этом отношении компетенцию польского правления и съездов.

Далее, польская организация, как таковая, не имеет особого представительства на общих конгрессах, так как по уставу партии делегаты могут представлять только отдельные избирательные округа. Кроме того, во всех польских округах население смешанное, и поэтому делегаты, будь то поляки или немцы, должны быть выбираемы немецкими и польскими соц.-демократами совместно в общих собраниях. То же самое относится к кандидатурам при выборах в рейхстаг, которые назначаются таким же способом. Как особая организация, поляки кандидатур не выставляют. Кандидаты-поляки выбираются также местными немецкими товарищами, а кандидаты-немцы получают голоса поляков.

Ставя эти условия, правление немецкой партии исходило из того взгляда, что интересы рабочих в Германии, поляки ли они или немцы, совершенно однородны и что в рядах партии они фигурируют не как поляки или немцы, а только как соц.-демократы. Германизационная политика прусского правительства по отношению к полякам не может и не должна, по мнению немецких товарищей, создавать в глазах польских социалистов почву для программного и организационного сепаратизма, так как последние могут вести борьбу против насильственной германизации успешнее всего именно в рядах общей партии, которая «считает своей обязанностью», как это констатировала мюнхенская резолюция, «защищать польский рабочий класс также против национальных притеснений и всегда эту обязанность по мере сил исполнять».

Уже в 1900 году на своем Майнцском конгрессе немецкая партия приняла без дебатов резолюцию Розы Люксембург, возлагающую на соц.-демократическую фракцию обязанность протестовать и бороться в рейхстаге против безобразий прусского правительства в польских провинциях, и с этих пор фракция энергично выполняет полученный ею мандат. В 1902 г. представители от Германии в Интернациональном Социалистическом Бюро провели в заседании по-

следнего протест против безобразий прусских властей во время известных врешенских событий.

Но эта борьба немецкой соц.-демократии против германизации не имеет ничего общего с программным сепаратизмом П. П. С. и ее требованием восстановления Польши. Это было доказано еще лишним раз той же конференцией. Представители польских соц.-демократов, принадлежащих к немецкой партии, равно как и немецких товарищей в Познани, Силезии и Горной Силезии, противопоставили на конференции предложениям П. П. С. свой проект соглашения, сформулированный тов. Люксембург.

Признавая, подобно правлению немецкой партии, необходимость подчинения польской организации общепартийным инстанциям, проект этот требовал, кроме того, от П. П. С. ясного отказа от программного сепаратизма. В переговорах, последовавших за конференцией и имевших целью довести до конца начатое дело соглашения, правление немецкой партии имело случай высказаться по этому вопросу. В сообщении познанским и силезским организациям (мы заимствуем его из бреславльского партийного органа «Volkswacht» от 12 января с. г.) оно заявляет:

«По поводу выраженного немецкими и особенно энергично познанскими товарищами желания, чтобы управление польской партии признало 2-й пункт проекта Люксембург и тов., который гласит:

„Программой польской партии является Эрфуртская программа. Требование независимости польского государства не должно считаться обязательной политической программой партии и не может быть применяемо в агитации“,

правление немецкой партии приняло следующее решение:

«Требование, сформулированное во 2-м пункте проекта Люксембург, заключается уже в следующих двух строках проекта немецкого партийного правления:

„Принадлежность польской организации к общей партии Германии. Признание ею партийной программы и партийных инстанций“.

«Если польская организация представляет только составную часть немецкой соц.-демократии, то для нее, конечно, обязательна только немецкая, т. е. Эрфуртская, программа. А так как последняя ничего не знает о независимом польском государстве, то, следовательно, это требование не может быть ни выставляемо, ни применяемо польской организацией. Все какие бы то ни было решения, принятые раньше польской организацией и противоречащие Эрфуртской программе, теряют с момента соглашения всякую силу.

«Таким образом, правление немецкой партии вполне разделяет взгляды тех товарищей, которые считают важным особое признание приведенного пункта в проекте Люксембург, оно находит только излишним подчеркивать вещь, которая сама собой разумеется».

На своем съезде во время Рождества 1902 г. П. П. С. решила принять перечисленные нами условия, поставленные правлением немецкой партии на конференции. Последнее, однако, заявило в «Vorwärts'e» вскоре после польского съезда, что соглашение может считаться состоявшимся лишь тогда, когда об этом появится с его стороны официальное сообщение. До сих пор такого сообщения не последовало, но каков бы ни был результат всего дела, состоится ли соглашение или нет, в решениях немецких товарищей мы находим точное выражение тех взглядов, которых придерживается немецкая соц.-демократия насчет организационных отношений разных национальностей, входящих в ее состав.

Впрочем, если взгляд правления немецкой партии на национальный вопрос, выразившийся по поводу столкновений с П. П. С., несомненно может послужить ценным указанием также социалистам других стран уже в виду высокого морального и политического авторитета этой партии, доказавшей много раз свое глубокое понимание требований международного социализма, то, конечно, дело обстоит не так просто по вопросу об организационных формах. Так как в этом вопросе приходится считаться с условиями, совершенно различными в разных странах: со степенью территориальной разграниченности национальностей, с полити-

ческими формами страны и ее государственной структурой и, наконец, со стадией развития самого рабочего движения в данной стране, то шаблонное перенесение организационных отношений из одной страны в другую вряд ли возможно и желательно. Однако и тут постановка вопроса у немецких товарищей, с которой мы познакомились, настоятельно обращает наше внимание на тот основной принцип, от степени применения которого зависит совершенство каждой соц.-демократической партии. Этот принцип заключается в возможно более тесном организационном сплочении пролетариата данной страны, независимо от национальности и отдельных его частей.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

К ростовской демонстрации 2 марта. Хорошо обдуманная и вполне удачно проведенная, последняя ростовская демонстрация имеет все шансы проложить новый путь в практике наших организаций. Умело воспользовавшись опытом последних лет движения, наши донские товарищи второй уже раз наглядно показали, в каких разнообразных формах может проявиться массовое рабочее движение, руководимое соц.-демократией, и как нетрудно энергичным революционерам преодолеть все препятствия к развитию движения вширь, которые нагромождает перед нами современный русский режим. В виду выдающегося интереса ростовских событий мы, в дополнение к сообщениям в № 36, приведем выдержки из наиболее интересных описаний, присланных нам очевидцами демонстрации 2 марта.

«Желая провести демонстрацию удачно, Д. К. сообщил о своем плане только организованным рабочим и знакомым лицам из городской интеллигенции, пригласив их в „балку“. Таким образом, тайна была сохранена, и ни один полицейский, ни один шпион не знал о демонстрации до тех пор, пока не увидал на Садовой улице тысячную толпу с красными знаменами.

«Благодаря такой тактике Комитета, полиция совершенно не была подготовлена к отпору (полиция усердно „готовилась“ к демонстрации 19 февраля; о 2 марта она даже и не думала).

«В назначенный для демонстрации день, воскресенье 2 марта, установилась прекрасная погода. К трем часам в „балку“ собралось для „кулачек“ 5-6 тысяч ничего не подозревавшего народу, который и расположился по обоим сторонам этого огромного амфитеатра. Зрелище очень напоминало знаменитые рабочие митинги, которые происходили здесь же во время стачки, — но только „на стачке“ толпа стекалась сюда послушать оратора, теперь же она, идя сюда, имела в виду только лишь полюбоваться видом истязавших друг друга „кулачников“.

«Сверху был великолепный вид на толпу: море человеческих голов по обоим склонам огромной балки с жадным вниманием следило за возникающей где-то в середине кучкою „кулачников“. Толпа громкими криками выражала свой восторг, когда кто-либо из „кулачников“ „угостит“ другого или сам упадет под „угощением“ другого...

«Вдруг на одном склоне „балки“ раздались сильные крики „ура“. Когда толпа обернулась по направлению криков, она, к удивлению своему, увидела, как в воздухе вольно развевались три красных знамени, с надписью на одном — „Да здравствует политическая свобода“, на другом — „Да здравствует восьмичасовой рабочий день“ и на третьем — „Донской Комитет“, а между ними стоял поднятый на руках оратор. Толпу с трудом удалось успокоить, и оратор произнес небольшую речь, в которой заявил, что „силы у рабочих накопились много, она тратится даром и Донской Комитет приглашает рабочих в город на демонстрацию“. Толпа возгласила „ура“, изъяснив этим свое согласие, и все 5-6 тысяч, как один человек, с революционными песнями, криками „ура“ и пронзительным свистом двинулись вперед, предводительствуемые организованными рабочими с знаменами в центре (третье знамя с надписью

„Донской Комитет“, неловко привязанное, сорвалось с древка, его спрятали, и пришлось демонстрировать с двумя знаменами). Через десять минут толпа беспрепятственно достигла города и торжественно, с пением, вступила на Садовую улицу. В эту минуту произошло первое столкновение с полицией: откуда ни возьмись очутились перед толпой пристав, 8 городских и два жандарма (на местном рабочем языке — „жанглоты“); едва только пристав с увещаниями подступил к толпе, как в него и в его свору градом посыпались камни; избитый пристав едва спасся от народной ярости, юркнув в первую попавшуюся подворотню, а городские и „жанглоты“, подобрав свои полы, быстро пустились на утек. Победоносная толпа шествует дальше, уже не встречая на своем пути препятствий.

«Следуя дальше, число демонстрантов с быстротой увеличивалось все новыми и новыми толпами гуляющей публики, вышедшей на Садовую по случаю прекрасной погоды, так что, когда подходили к Городскому саду, в толпе можно было смело насчитать до десяти тысяч народу.

«Грандиозное зрелище: десяти тысячная толпа, запрудившая широкую Садовую улицу во всю ее ширину, с развещающимися красными знаменами, шествующими посреди дороги; кого только тут не было! Рабочие в праздничных одеждах; „кулачники“, в пылу увлечения демонстрацией забывшие застегнуть ворот своей рубашки, как в драке; тут же около них „публика“ в котелках, мягких шляпах, женщины из интеллигентных слоев, работницы, босяки, появившиеся во множестве с базара, мальчишки (знаменитые мальчишки, сыгравшие свою роль „на стачке“, любители сильных ощущений; тут для них был полнейший праздник!) — все это пело, свистело, орало „ура“, „да здравствует свобода“, „долой самодержавие“... Появившийся красный околыш тотчас же удалялся, сопровождаемый улюлюканьем, бранью и насмешками толпы; кругом раздавались возгласы: „к тюрьме, к тюрьме!“ напоминавшие сильно знаменитые возгласы „к Бастилии!“; у всех почти в руках были дубинки, камни...

«Демонстранты дошли до Городского сада, затем повернули назад и прошли до Таганрогского проспекта, откуда направились опять вверх по Садовой. В это время толпа на Садовой увеличилась новыми тучами народа, притекавшими со всех улиц. На протяжении почти двух кварталов Садовая улица во всю ширину была запружена народом. Не видно было ни одного казака.

«Улица уже полтора часа находилась в руках народа; демонстранты с знаменами дошли уже до Большого проспекта; под давлением толпы решили идти к тюрьме, но дальше Большого проспекта не могли двинуться: полиция забаррикадировала Садовую — она поставила во всю ширину улицы в несколько рядов извозчищи пролетки. Демонстранты не успели дойти до Большого проспекта, как послышались приказания руководителя: „Знамена убрать!“ Едва только успели спрятать знамена, как послышались военные команды „в шашки“, „в нагайки“ — и на толпу внезапно напали полицейские и стали рубить голыми шашками по головам, тотчас же наступили и конные казаки с нагайками. Толпа оказала небольшое сопротивление: пошла в ход дубинки, камни, под ноги полиции бросали проволоку. Но две сотни рассвирепевших полицейских и казаков были лучше вооружены: толпа обратилась в бегство. Когда толпа убегала вниз по Садовой, откуда-то появился из Казацкого переулка полицейский пристав Антонов и стал задерживать бежавших, но в это время один из демонстрантов „задержал“ его изо всех сил острым концом железной палки прямо в висок, отчего тот тут же упал, обливаясь кровью (через два дня пристав, как говорят, умер в больнице, как признают врачи, от воспаления мозга).

«Со стороны демонстрантов также много избитых: рассвирепевшие полицейские не жалели ударов, но можно сказать, что полицию побили больше, чем демонстрантов.

«Знамена и знаменщики остались целы; цел также и весь центр, группировавшийся около знамени, состоявший из организованных рабочих; в числе арестованных и избитых находится „публика“, босяки и „кулачники“, которых впрочем, на второй и третий день выпускали.

«Следующие два дня непрерывно шли обыски и аресты. В настоящее время в тюрьме сидят 30 человек. Настроение

ние в городе очень оживленное; все толкуют про демонстрацию, все озлоблены на полицию и хвалят демонстрантов. Теперь по улицам положительно нельзя проходить: по указанию шпионов массами берут прямо с улицы.

«Демонстрация 2 марта, в своем роде, единственная в России: ее активными участниками явились не только организованные рабочие или интеллигентная публика, как это везде бывает, — здесь преобладающее число состояло из самой широкой «массы», которой навсегда останутся памятные эти полтора часа народной воли.

«На другой день полиция ожидала стачки в железнодорожных мастерских, для предупреждения которой поставили на кочеварные около гудка десяток вооруженных жандармов. Но никаких попыток со стороны рабочих к стачке не было...».

Другой очевидец пишет: «Вот полный огня слесарь запевает „Варшавянку“ и знакомые революционные звуки подхватываются тысячной толпой. Мы идем чуть ли не две версты беспрепятственно, победоносно... „Долой самодержавие! Кровавицы! Долой буржуазию!“ — вот крики, бросающиеся по адресу буржуазии, заполнявшей балконы. „Вихри враждебные“... несется из одной группы, подхватывается другими и все сливается в одну шумную, грозную песню... Пора расходиться и предупредить возможные жертвы, предложено опустить знамена и разойтись, но толпа рвется вперед. „К тюрьме! к тюрьме, к товарищам!“ Вот пристав начинает что-то говорить знаменосцам и задерживает движение: но ударом палки его сбивают с ног, и он, окровавленный, падает на землю, а толпа все идет и идет».

О свалке, происшедшей в конце демонстрации между полицией и рабочими, пишет еще один корреспондент. «Трамвай рабочие остановили, протянув через улицу проволоку. Пучки проволоки бросали под ноги полиции, она путалась в ней и при общей свалке валилась с ног... Рабочие вырывали колья из оград, деревья и защищались, чем попало. Полиция остервенела и стала бросаться, как зверь, главным образом, на рабочих. Казаки били нещадно всех без разбору. Рабочие бросали камнями и защищались геройски; между ними было много женщин. Хотя демонстрация закончилась в 7 час., но публика, несмотря на зверства полиции, долго еще не расходилась».

Интересно, что правительство, сообщив о демонстрациях в Баку, Тифлисе, Батуме, Белостоке и о бойне в Златоусте, ни словом не упомянуло в печати о ростовской демонстрации.

Баку. Второго марта этого года здесь была устроена политическая демонстрация в ознаменование мартовских событий предыдущих лет, подготовленная и организованная Бакинским Комитетом. Местное рабочее движение, несмотря на свою молодость (существует только два года), успело уже два раза выразить свой открытый протест против самодержавного правительства, гнет которого особенно ощутителен для нас, окраинцев. Цель теперешней демонстрации была — ясно и открыто заявить, насколько политический зрел наш пролетариат и как он готов в любой момент по первому призыву Комитета выйти на улицу и под красным революционным знаменем социализма бросить открытый вызов самодержавию. Потому и днем демонстрации было выбрано 2 марта, так как с этим месяцем связаны воспоминания о наиболее славных периодах нашей революционной борьбы против царского правительства.

Средством для развития в массах классового и политического самосознания служили главным образом агитационные массовые собрания и местные листки. Всего за период с конца декабря прошлого года до дня демонстрации было выпущено Комитетом шесть листков, отпечатанных в типографии Комитета. Первым был издан, по 600 экземпляров на русском и армянском языках, вступительный листок, напоминающий рабочим о ростовских событиях и призывающий их к политической борьбе. Затем, к новому году был выпущен, также по 600 экземпляров на русском и армянском языках, второй листок, поздравительный, содержащий хронику рабочего движения в России за последний год и указывающий на те меры, которые принимало правительство с целью задушить это движение.

Первого января в местном театре Тагиева во время спектакля были разбросаны печатные поздравительные карточки с надписями: «С новым годом», «Долой самодержавие», «Да здравствует рабочее движение». В январе же был выпущен листок к количеству двух тысяч экземпляров на русском языке, комментирующий доклад министра финансов о государственной росписи. Следующей была, также в числе 2.000 экземпляров, прокламация к гражданам, призывающая их к активной политической борьбе с самодержавием. К 19 февраля был выпущен на двух языках по 1.500 экз. листок по поводу освобождения крестьян. Наконец, перед самой демонстрацией вышла прокламация в количестве 3.400 экземпляров (на двух языках), указывающая на значение мартовских дней в революционном движении России и призывающая рабочих на политическую демонстрацию. Для разброски на демонстрации были отпечатаны на красной бумаге в числе 6.000 экз. листки с надписями на русском и армянском языках: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода», «Да здравствует социализм» (эти же надписи были на знаменах) и, кроме того, еще около двух тысяч листков с рисунками, изображающими рабочего с флагом в одной руке и молотом в другой, одной ногой стоящего на груди упавшего с трона Николая. В ночь на первое марта было произведено до 15 арестов, но это не повлияло на ход событий.

В назначенный день демонстрация началась в городе шествием рабочих под красным флагом с пением «Марсельезы» и разбрасыванием к толпе листков. Полиция пыталась разогнать манифестантов, но была отброшена несколько раз градом камней. Со стороны казаков было сделано несколько холостых выстрелов. Начавшись в городе, демонстрация продолжалась в Балаханском районе, где почти двухтысячная толпа в продолжение двух часов шла со знаменем под звуки «Марсельезы». Здесь полиция не только не вмешалась, но была невольным участником, так как пристав и несколько казаков осторожно подвигались за демонстрантами. Финалом событий этого дня была разброска в театре во время вечернего спектакля листков с упомянутыми надписями и рисунками. На четвертый день после демонстрации был выпущен на двух языках краткий листок по поводу совершившихся событий. На демонстрации задержаны 18 человек, между прочим 15-летний мальчик, который страшно избит.

В настоящее время настроение рабочих очень бодрое. Чувствуется только большой недостаток в периодической и агитационной литературе, кот. здесь не получалась за всю зиму.

Правительство в бессильной злобе набросилось на мирные культурные учреждения: через неделю после демонстрации по приказу главноначальствующего закрыли библиотеку-читальню Армянского Человеколюбивого общества впредь до особого распоряжения. Вся вина этой читальни заключается в том, что недалеко от нее происходила демонстрация. В городе сильное возбуждение.

Бакинский Комитет
Росс. Соц. - Дем. Р. П.

Баку, 2 марта (частное письмо). В десять с половиною часов толпа рабочих с дубинами в руках стала собираться на площади Парапет. Человек 20 казаков, целая рота солдат и масса полицейских окружили весь Парапет. Весь г. Баку был тут. Но напрасно полицейские ждали тут демонстрации. Они были обмануты. Большинство рабочих стало собираться у Молоканского сада, где, понятно, был и я. В 11 часов у Молоканского сада восемь барышень, без шляп и в красных кофтах, подняв красное знамя социализма и с криками: «товарищи, соединяйтесь под красное знамя!» двинулись на площадь, где раньше стоял цирк Василия Вятского. Рабочих было больше 2.000. Здесь, взбравшись на возвышенности, стали держать народу речи. Прокламации так и летели по воздуху. Все улицы были наполнены ими. Казаки, стоявшие у Парапета, узнав, что демонстрация у Молоканского сада началась, прискакали сюда. Но они тотчас же бросились в бегство (сколько хохоту было, ты не можешь себе представить) перед громадной толпой рабочих, поднявших свои дубины и дружно певших. Между тем, другая партия рабочих, подняв красное знамя, двинулась на набережную. Казаки пустили в ход

свои нагайки. Тогда только рабочие, рассвирепев и вынув свои револьверы, топоры и дубины, напали на казаков. Вице-губернатору разбили голову. Шествие продолжалось около трех часов. Из рабочих арестованы около 12 человек, сверх того, два реалиста и один гимназист, остальные успели скрыться. Дорогой N., всего так не напишешь, как оно было в действительности, да и слов не найдется, но картина восхитительная. Вообрази себе! Несколько красных знамен с надписями; громадная толпа рабочих, вооруженных дубинами; камни сыплются градом и среди всего этого крики: «Ура! Да здравствует социализм!» и т. д.

О демонстрации в Тифлисе 23 февр. очевидно пишет:

«23 февраля в Тифлисе имели место волнения. На Головинском проспекте рабочие жел.-дор. мастерских и всех фабрик и заводов г. Тифлиса пытались устроить демонстрацию, но предупрежденное войско и полиция старались разогнать демонстрантов; к счастью, в это время шла похоронная процессия по Головинскому проспекту; рабочие и демонстранты, как бы следуя за процессией, вышли на проспект, развернули знамя и кричали: „Долой самодержавие, да здравствует свобода!“ Полиция и казаки ворвались в толпу демонстрантов. Произошла схватка, а в это время в другом месте подняли другое знамя».

В прокламации, изданной после демонстрации, местный Комитет пишет:

«Кто бы мог подумать, что почти все рабочие местных фабрик и заводов, числом до 6.000, явятся на демонстрацию? Кто бы мог допустить мысль, что наша либеральная и радикальная интеллигенция, учащаяся молодежь и другие слои общества, до этого дня скептически относившиеся к нашим силам и средствам борьбы, не оповещенные о дне и характере демонстрации, не только выйдут на улицу, но и упорно будут отказываться исполнять требования полиции разойтись?.. Манифестация показала воочию, на какие наличные силы мы можем рассчитывать... Их организованность, как нельзя лучше, была доказана тем обстоятельством, что эта громадная толпа под дождем стеной гуляла по Головинскому проспекту в течение более двух часов, терпеливо ожидая условленного сигнала, чтобы сплотиться и провозгласить анафему и смерть гнусному самодержавию, и ни одним движением, неосторожным словом или взглядом не дала повода полиции начать наступление».

Как сообщает далее прокламация, «стоило только кучке демонстрантов выкинуть знамя и крикнуть: „Долой самодержавие!“, как усиленный состав хвальной полиции на Эриванской площади разбежался в панике в противоположную сторону, призывая усиленную помощь свистками».

Батум. 8 марта закончился разбор дела о прошлогодних батумских беспорядках. Благодаря блестящей защите, даже царские слуги принуждены были почти оправдать рабочих. 9 марта, в годовщину прошлогодних беспорядков, рабочие устроили грандиозную демонстрацию. С четырьмя развернутыми флагами рабочие обошли весь город с пением и с криком: «да здравствует политическая свобода!», по дороге разбрасывали прокламации и стреляли из револьверов; перебили стекла местной человекоуниверситетской газете «Черноморский Вестник». После этого рабочие, числом свыше 3.000 чел., направились к вокзалу; остановили на ходу поезд, в котором ехал весь состав окружного суда и двое из защитников рабочих; защитникам была устроена трогательная овация; поезд стоял семь минут. Власти окончательно растерялись. Полиция и войска бежали за толпой, но ничего не могли поделать. Они не смели прибегать к решительным мерам, так как громадная часть рабочих была вооружена и предвиделось отчаянное с их стороны сопротивление. И в конце концов рабочие свернули знамена и мирно разошлись, празднуя свою победу над растерявшимися властями.

Томские события. Мы уже сообщали в прошлом номере о попытке демонстрации, устроенной 18 февраля томскими студентами, о последовавшем избиении студентов и публики и о внушительной демонстрации, организованной студентами и рабочими 20 февр. в виде протеста. Об этой последней сообщается в изданной «Группой революционн. соц.-дем.» прокламации:

«Студенчеством и соц.-дем. группами было заготовлено свыше 4.000 прокламаций „к народу“, „к лишенным прав“, „к рабочим“. Городской почтой разослан был ряд писем с призывом к активному участию в демонстрации. 20 февраля, в десять часов утра, в Технологическом институте и в университете состоялись сходки, на которых присутствовало в общем до 1000 чел. Громадным большинством голосов было решено немедленно устроить демонстрацию. Выйдя на улицу, технологи и универсанты с восторженными возгласами соединились вместе и, образовав толпу до 700 чел., двинулись с революционными песнями к Соборной площади. Взялся принесенный рабочими красный флаг, с одной стороны которого была надпись: „Долой самодержавие“ с другой — „Да здравствует социализм“. Собранный на площади народ двинулся навстречу студентам, толпа демонстрантов быстро росла, и, когда она приблизилась к зданию железнодорожного управления, численность ее дошла до двух-трех тысяч человек. Из открытой форточки окна управления послышался возглас: „долой самодержавие“, подхваченный восторженными „ура“ толпы, и через несколько минут все здание управления, вмещавшее несколько сот служащих, опустело. У управления была произнесена речь, выяснявшая значение демонстрации, а затем двинулись вперед. Пройти пришлось немного, впереди показался местный батальон, который вскоре тесным строем преградил дальнейший путь. Оставалось или прорвать цепь, или идти назад. Толпа все более и более росла, число идущих достигло уже четырех-пяти тысяч человек, всего же на площади было не менее 12—15 тысяч чел. Неумолкаемые возгласы „долой самодержавие“, „долой царизм“, „да здравствует политическая свобода“, „да здравствует социализм“ поддерживались восторженным „ура“ многочисленной толпы. Сбоку суетился вице-губернатор барон Дельвиг, революционные возгласы были ему совсем не по душе. Время от времени слышался его отчаянный вопль: „они кричат „долой самодержавие“, я не позволю кричать „долой самодержавие“, и слова „долой самодержавие“ из уст царского сатрапа уносились далеко, далеко в толпу. Еще несколько возгласов из толпы, и чаша терпения барона переполнилась. Раздалась команда солдатам: „оцепляй их, братцы“. Начала работать и полиция, усиленно расталкивая и прося постороннюю публику удалиться: „будет стрелять“; в результате этого маневра оцепленным у дверей клиники оказалось небольшое ядро в 400—500 человек. Казалось, не было никакого выхода: еще момент, оцепленные кинулись бы прорывать цепь, началась бы бойня, которая далеко затмила бы собою бойню 18 февраля. Солдаты стояли с заряженными ружьями, были вооруженные и среди оцепленных. Но исход был найден. Двери клиники раскрылись, и через несколько минут оцепленным оказалось почти пустое пространство. Солдаты были отосланы, а прошедшие через клинику вышли в университетский двор, а оттуда на улицу и собрались перед воротами университета. Туда же пришла и вся масса запоздавших рабочих. Вскоре явились туда же барон Дельвиг, барон Бруннов и полиция. Но увещание баронов встречалось громким свистом. Требование со стороны демонстрантов об удалении полиции было удовлетворено, и весь полицейский штат, подвергшись всяческому оплеванию и сраму, под оглушительным свистом направился обратно к клиникам. На этом обратном пути полицейские выдумали было арестовать одного рабочего, но дружный напор демонстрантов заставил их отказаться от своего намерения. С удалением полиции в этой небольшой сравнительно толпе в 700—800 чел., где не было зрителей, где оцепленный у клиники студенческий центр слился воедино с массой разночинцев и рабочих, все чувствовали особый праздничный подьем духа. Здесь закреплялся крепкий союз между рабочими и студентами для дружной, совместной борьбы на пути к достижению ближайшей общей цели — свержения ненавистного ига деспотизма. На тему о необходимости этого единения было произнесено много речей с той и с другой стороны. Таким образом, демонстрация закончилась своего рода народным собранием, которое и разошлось совершенно добровольно около четырех часов вечера...

«Одновременно со второй демонстрацией было создано экстренное заседание профессоров университета и Техно-

логического института. Было решено послать телеграмму в Петербург о назначении судебного разбирательства по поводу насилий, совершенных местной полицией над студентами высших учебных заведений. Об этом решении гласили вывешенные во всех витринах объявления за подписью ректора. Такой же протест выразили и местные присяжные поверенные... Наконец, подобное заявление подало и местное общ. врачей. Только четыре человека из всего общ. протестовало против подачи заявления.

Студенты заявили, что если власти начнут преследование против демонстрантов, они приступят к забастовке, и потребовали увольнения из университета шпиона Соловкина, из-за которого поднялась вся эта буря. Ректор университета Судаков дал слово, что совет займется этим вопросом. Между тем, в Томск прибыли «для разбирательства» фон-Валь и тов. мин. нар. просвещения Лукьянов. «Знаменитый» виленский палач, разумеется, предписал розыски «зачинщиков». Человек восемь студентов было арестовано (по слухам, их предадут суду по 252 ст.). Тогда 28 февраля в Технологическом институте сходка в 220 чел. объявила забастовку. О дальнейшем у нас пока нет известий.

Замечательный документ.

Не подлежит оглашению.

Приказ по войскам

Московского Военного Округа

Москва. 28 февр. 1903 г. №...

Рядовой 238-го Клязьминского резервного батальона Александр Панферов, идя в управление 60-й резервной бригады, куда был назначен дежурным по телефону, встретил на улице прилично одетого господина, который, заговаривая с ним, повел речь о тягости службы и о возможности выйти из этого положения; из дальнейшего разговора Панферов узнал, что у незнакомца этого есть сообщники, которые в ближайшее воскресенье соберутся у него на квартире на совещание, куда незнакомец приглашал и Панферова, обещая снабдить запрещенными книгами для прочтения и раздачи товарищам.

Придя в управление бригады, Панферов рассказал о происшедшем старшему писарю, а на другой день, после смены, доложил обо всем ротному командиру.

В следующие дни Панферов встречался несколько раз с тем же господином. О каждой такой встрече он подробно докладывал своему ротному командиру. Благодаря этому могли быть приняты надлежащие меры местной полицией, которой удалось, при деятельном участии Панферова, связанном с большим риском для него, проникнуть в указанный им дом и арестовать участников преступного совещания, среди которых задержан важный политический преступник.

Высоко ценя правильное понимание Панферовым служебного долга и святости присяги на верность престолу и отечеству, я вошел с ходатайством о награждении его знаком отличия ордена св. Анны и о выдаче ему соответствующей денежной награды.

Стойкость убеждения и находчивость, проявленные при этом Панферовым, свидетельствуют вместе с тем о прекрасном влиянии ближайших его начальников и высоким воинском духе той части, которая воспитала такого молодца.

Объявляя Панферову мое сердечное спасибо за молодецкую службу, благодарю также командира Клязьминского резервного батальона, командира 1-й роты и молодца фельдфебеля за образцовый порядок. По окружному штабу. Подписал:

Командующий войсками генерал-адъютант Сергей.

Печатаю этот удивительный документ, мы не знаем, чему более удивляться: наглости ли правительства, объявляющего самую гнусную провокацию высшей гражданской добродетелью, или той забитости и гражданской невраждебности офицерского корпуса, которая допускает, чтобы власти обращались к офицерам с подобными позорными их похвалами.

Из офицерского источника, правда, сообщают нам, будто вся история, изложенная в приказе, «подстроена нарочно для „укрепления“ воинского духа». Как ни чудовищно такое предположение, оно не лишено вероятности, ибо в Севастополе подобные «подстроенные» поимки «революционеров» уже практиковались: роль революционеров играли сыщики, за «поимку» которых при раздаче прокламаций солдат получал награду, о чем и объявлялось войскам округа для возбуждения соревнования.

Как видно, царское правительство при всей своей «приверженности» к «вековым устоям державы Российской» не отказывается при случае от приемов настоящей «американской» рекламы!

Образчик генеральской словесности.

Не подлежит оглашению.

Приказ по войскам

Сибирского военного округа.

Омск. 10 февр. 1903 г. № 36.

«В одном из городов вверенного мне округа, в помещении общественного собрания, по окончании чтения лекции, кучка злонамеренных людей произвела противоправительственную демонстрацию, вызывающую заявления о ниспровержении основного устоя жизни Русского Государства — Самодержавия.

«Присутствовавшие на лекции офицеры гарнизона, судя по рапортам их, мне представленным о сем происшествии, ничем другим не заявили себя, как торопливостью при начале беспорядка выбраться из зала и уйти домой.

«Некоторые из офицеров даже видели, как одинокий представитель порядка, чиновник полиции, ринулся в толпу для прекращения беспорядка, но и тогда ни у кого не екнуло солдатское сердце...

«Через минуту, — говорится в одном рапорте, — все бывшие в зале офицеры очутились у вешалок!»

«Затем не могу не засвидетельствовать, что во всех рапортах достаточно „словесности“, доказывающей заботливость каждого подчеркнуть свое личное „тут ни при чем“. Были даже такие, что когда валился на них дождь листов с дерзкими словами, то даже не поинтересовались ими и, не читая, рвали эти листки.

«Конечно, ни в одном уставе, ни в одном томе свода законов не найти точных указаний, что должны были сделать и как должны были поступить офицеры в приключившейся обстановке; но я был бы счастлив объявить в приказе, что присутствовавшие офицеры, со старшим во главе, были у вешалок не в числе первых, а самыми последними.

«Несомненно, что беспорядок был произведен по сговору; несомненно, что межеумки, недочуки и разные инородцы были сплочены в кучу, действовали по лозунгу, — в этом была их сила; тогда как слушатели лекции разных классов и слоев общества, случайно собравшись, чтобы послушать талантливого лектора, ничем не были объединены, и совершенно естественно, раз начался беспорядок, что публика стала уходить, причем, как говорится в одном рапорте, „держала себя скромно и спокойно“. Но в этой публике были гг. офицеры, без всяких сговоров всегда объединенные воинским мундиром и превыше всего тою особою клятвой, которая ими дана на присяге, которая должна побуждать их при малейшем посягательстве на основные устои России мгновенно сплываться и становиться на изготовку. Не скромно и спокойно уходить, как это сделала публика, должны были гг. офицеры, а энергично и твердо выразить свою решимость быть готовыми на всякие случайности, раз нужно делом доказать исповедание своей веры.

«Что могло затем последовать? Кто может ответить на этот вопрос?

«Уверен в одном, что если бы благонамеренные и благожелательные проявляли по личному почину сплоченность и решительность, давно бы мы покончили с безобразным террором кучек, действующих, шумящих, кричащих по вражескому лозунгу.

«Не сомневаюсь, что ни один из бывших на лекции офицеров в других случаях возможных трудных обстоя-

тельств, когда задела бы честь жены, семьи, батальона или мундира, не уклонились бы от риска потерять даже жизнь... Но не превыше ли всего этого — рисковать всем на защиту от дерзкого поношения основ бытия нашей России? Случайно бывшему на лекции достойному и опытному служаке ставлю, как старшему, на вид, что в минуту испытания он не оказался на высоте положения и вместе с другими очутился среди публики, стремившейся к вешалкам, а не на посту, т. е. ставлю ему в упрек, что он не стал центром, возле которого сплотились бы все, носящее военный мундир.

Подписал: Командующий войсками округа
ген.-лейтенант Сухотин».

* * *

В этом любопытном литературном произведении обращает на себя особое внимание твердое намерение ген. Сухотина во что бы то ни стало втянуть офицеров в «политику», вопреки обычному взгляду, что армия должна быть чужда «политике». Правда, армия применяется для усмирения всяких народных движений, но в этих случаях она действует каждый раз на основании приказа, с соблюдением предписанных законом условий, не на основании своих политических симпатий, но в силу своего подчинения правительственной власти. Поэтому, если бы иркутские офицеры (о которых идет речь в приказе) утешили ген. Сухотина и бросились на помощь полиции, водворявшей в собрании «порядок», то они поступили бы совершенно незаконно и такое участие их в свалке между гражданами и чинами полиции было бы, по существу, самоуправством и нарушением общественной тишины и порядка. Какого рода «работы» желал бы ген. Сухотин от подчиненных ему офицеров, — об этом дают представление рассказы о недавних демонстрациях в Тифлисе и Ростове-на-Дону, где ретивые офицеры-добровольцы бросались в толпу рабочих, рубили шашками и стремились выбить пролетарское знамя, — словом, вели себя, как вульгарные лабазники в Томске.

Из литературного произведения ген. Сухотина явствует также, что в глазах убежденного и активного сторонника самодержавия не заслуживают никакого уважения те офицеры, которые до такой степени пассивны и индифферентны, что «даже не интересовались листками и, не читая, рвали эти листки». Такая пассивность и такой индифферентизм не понятны преданному слуге престола. Будь ген. Сухотин в иркутском клубе, он сначала прочел бы «сыпавшиеся дождем листки», потом «сделался бы, как лев» (как говорил о себе один свидетель в саратовском процессе демонстрантов) и бросился бы уничтожать внутреннего врага. Правда, — как это знает ген. Сухотин, — такое поведение не предусмотрено никакими уставами, а потому он вынужден апеллировать к смыслу воинской присяги (не к ее букве, ибо эта буква требует лишь повиновения приказам начальства, а никак не партизанской войны с его врагами). Но когда речь идет не о простом выполнении «уставов», а о самостоятельном участии офицера в политике, как о выполнении гражданского долга, то нельзя уклониться и от вопроса о выборе между двумя враждующими сторонами. Тем более нельзя, что, когда мы апеллируем к «смыслу» присяги, то мы не можем забыть, что эта присяга дается на верность не только престолу, но и отечеству. Но политическая борьба, в которой ген. Сухотин предлагает офицерам принять рукопашное участие, есть именно борьба между царским престолом и нашим русским отечеством. Присоединяясь от всей души к призыву ген. Сухотина выйти из пассивного состояния и занять место в политической борьбе, мы, с своей стороны, предлагаем офицерам вникнуть в ценность той и другой враждующих сторон и сделать свой выбор. В одном случае их ждут лавры, которые теперь достаются «одному-единственному представителю порядка» — полицейским и жандармам — вплоть до ордена св. Анны, украшающего ныне за полицейские заслуги иудину грудь рядового Панферова; в другом случае — «только» почетная слава сподвижников Пестеля и Бестужева, Суханова и Штромберга.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.

Вслед за демонстрантами — распространители «преступных воззваний». Это вполне логично, и мы, по этой логике, благополучно катимся назад, к тем блаженным временам, когда за передачу одной брошюры приговаривали к четырем годам каторги (Бутовская), за напечатание пары листков — к каторге долгосрочной (Долгушинцы), а за хранение «террористических изданий» — просто вешали (Розовский в 1880 году).

Печатаемый нами обвинительный акт открывает собой, очевидно, новую серию политических процессов. Как пишет нам наш корреспондент из Екатеринослава, обвинительный акт вручен уже четверым товарищам, арестованным за прошлогоднюю майскую демонстрацию в этом городе. Поговаривают о суде над студентами-участниками недавней томской демонстрации. Некоторым «нелегальным», арестованным в прошлом году по делу «Искры», тоже упорно грозят судом, двое революционных рабочих на Урале попали на скамью подсудимых в процессе о нападениях толпы безработных на заводские здания, в качестве, якобы, подстрекателей к этому нападению (обвин. акт по этому делу сообщим в № 38).

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о мещанине Пантелеймоне Иванове Денисове, о крестьянах Павле Степанове Тимашеве и Александре Сильвестрове.

В виду наблюдавшегося весной 1902 г. распространения в г. Саратове различного рода и весьма большого количества сочинений преступного содержания, а также появившихся в начале мая указаний о готовящейся 5 того же мая в Саратове уличной демонстрации с противоправительственными целями, местной полицией был предпринят в означенную ночь (с 4 на 5 мая) усиленный уличный дозор, во время которого выслежены и задержаны три человека, занимавшиеся расклеиванием и разбрасыванием по улицам преступных прокламаций и воззваний... Задержанные оказались: мещ. П. И. Денисов и кр-не П. С. Тимашев и А. Р. Сильвестров. На произведенном по сему поводу в порядке 1035 ст. Уст. уг. суд. дознания установлено, что около двух часов ночи на 5 мая 1902 г. на углу Казарменной и М.-Царицынской улиц г. Саратова, окол. надз. Шадрин и унтер-квартирный Петров заметили троих неизвестных, вышедших из калитки одного дома и показавшихся им подозрительными. Следуя за этими лицами и обратив внимание, что они останавливались на некоторое время у будки сада Сервье, Шадрин и Петров вскоре потеряли их, однако, из виду и вслед за этим встретили околоточного надзирателя Синягина с унтер-кварт. Шориным, от которых узнали, что ими снята сейчас свежее-наклеенная на стену около завода Шиллера прокламация под названием «1 мая». При этом караульщик означенного завода сообщил, что трое каких-то неизвестных только что перед тем прошли от завода к Московской площади. Продолжая преследование в этом направлении, Синягин и Шорин на Нижней улице, около ночлежного дома, настигли разыскиваемых и задержали одного из них, кр-на Ал. Сильвестрова, у которого обнаружили в руке противоправительственное воззвание «Ко всем саратовским рабочим и ремесленникам». Вслед за сим, на выстрелы, произведенные Шориным, и крики его обратили внимание находившиеся на Московской площади окол. надз. Кольбау и унтер-квартирный Винокуров, которые настигли убежавших товарищей Сильвестрова и арестовали их, причем задержанные оказались мещ. П. Денисовым и кр. Тимашевым. В то время когда последние бежали, они выбросили на Нижней улице пачку прокламаций, приглашение на уличную демонстрацию 5 мая в г. Саратове и склянку с клеем. Кроме того, по пути следования Денисова, Тимашева и Сильвестрова найдены: около будки сада Сервье сверток преступных воззваний, у ночлежного дома наклеенное на красной бумаге большого формата объявление о готовящейся 5 мая демонстрации; на Цыганской улице наклеены в двух местах противоправительственные листки «1 мая» и на Атаркский ул. такое же воззвание. По осмотру упомянутых преступных воззваний, они оказались след.: 1) большое гектографированное на красной бу-

маге объявление, приглашающее «рабочих и ремесленников, и всех, кому дорога свобода и ненавистен произвол и насилие» на «демонстрацию 5 мая»; на левой стороне этого объявления изображен рабочий с красным знаменем в одной руке и флагом — в другой, на флаге помещена надпись: «Политическая свобода», а внизу: «Свобода, равенство и братство! Да здравствует социализм!»; 2) печатное воззвание: «1 мая, ко всем рабочим и работникам», с эпиграфом: «Вставай, подымайся, рабочий народ» и с подписью: «Типография партии социалистов-революционеров». Воззвание это составлено по поводу празднования рабочими первого мая и заканчивается словами: «Самодержавная царская власть и полицейский произвол должны быть уничтожены прежде всего», и 3) воспроизведенная на пишущей машинке и напечатанная при помощи mimeографа прокламация «Ко всем саратовским рабочим и ремесленникам», со штемпелем: «Саратовский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. Апрель 1902 г.», заключающая в себе весьма резкое осуждение существующего государственного и общественного строя, утверждающая, что «русский царь принадлежит к классу миллионеров и эксплуататоров», и приглашающая к борьбе с самодержавием «для достижения политической свободы и народного правительства». Привлеченные к дознанию в качестве обвиняемых, Денисов и Тимашев сознались в совершении приписываемого им преступления, а Сильвестров свою виновность отрицал, и при этом они объяснили: 1) Денисов, — что, получив вечером 4 мая от лица, назвать которое он не желает, около 20 прокламаций для распространения их, он уговорил Тимашева и Сильвестрова пойти с ним по улицам и расклеивать воззвания, причем это и было ими исполнено в эту ночь: 15 воззваний они успели расклеить и разбросать, пять остались у них, а когда они заметили, что за ними следит полиция, то бросили их; 2) Тимашев, — что Денисов, предупредив их о предстоящей уличной демонстрации и о содержании имевшихся у него воззваний, пригласил его и Сильвестрова участвовать в расклейке этих воззваний и что, когда они пошли ночью на 5 мая по улицам, то Денисов намазывал воззвания клеем, Тимашев прицеплял их к стенам, а Сильвестров наблюдал, не идет ли кто-нибудь, и, кроме того, и сам в некоторых местах разбрасывал прокламации; вместе с тем Тимашев признал, что во время преследования полицией он действительно, выкинул несколько оставшихся у него листов, и 3) Сильвестров, — что участия в распространении воззвания не принимал и хотя понял, что Денисов и Тимашев расклеивают запрещенные объявления, но содержания не знал; отобранную же у него прокламацию поднял на улице и положил себе в карман, чтобы прочитать ее утром. — Из дела усматривается, что все они ранее сего привлекались к дознанию политического характера, а именно: 1) Денисов — при Моск. Г. Ж. У. по обвинению в принадлежности к моск. кружку «интеллигентов-пропагандистов», причем по высочайшему повелению, последовавшему в 31 день декабря 1900 года, подчинен гласному надзору полиции сроком на три года; 2) Тимашев — в 1899 г. при Спб. Г. Ж. У. по делу о социально-революционной группе рабочих и, на основании выс. повеления от 21 февраля 1901 г., дознание это разрешено в административном порядке с тем, чтобы подвергнуть Тимашева гласному надзору полиции на два года в избранном им месте жительства, за исключением столиц, столичной и Таврической губерний, университетских городов и фабричных местностей, а засим в том же 1901 году Тимашев привлечен при Сар. Г. Ж. У., какое дознание еще не разрешено, и 3) Сильвестров — при Моск. Г. Ж. У. по обвинению в пропаганде среди московских рабочих, за что, согласно высочайшему повелению, впоследствии 2 мая 1901 г., подчинен гласному надзору полиции на четыре года в избранном им месте жительства, за исключением столиц, столичной и Таврической губерний и местностей фабричного района. — На основании вышеизложенных данных мещ. г. Тулы П. И. Денисов, 24 лет, и крестьяне: Тульской губ., Каширского уезда, Ростовецкой вол., дер. Гритчиной, П. С. Тимашев, 23 лет, Московской губ., Серпуховского уезда, Хатумской вол., деревни Глотовской А. Р. Сильвестров, 34 л. — обвиняются в том, что по взаимному между собою уговору в ночь с 4 на 5 мая 1902 г. распространяли по улицам города Саратова посредством наклеивания и подбрасывания прокламации и

объявления, заведомо для них содержащие в себе дерзостное порицание государственному порядку и законному образу правления и даже оспаривание неприкосновенности прав верховной власти, т. е. в преступлении, предусмотренном 2 ч. 252 ст. Ул. о нак., а посему и на основании 2 п. 1030 ст. Уст. угол. суд., Денисов, Тимашев и Сильвестров подлежат суду Сарат. судебн. палаты в усиленном составе, с участием сословных представителей. Составлен 22 февраля 1903 г. в Саратове. Подлинный за надлежащ. подписом. Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию по делу о Денисове и других, обвиняемых в государственном преступлении. Обвиняемые: 1) мещ. П. И. Денисов, под стражей в Царицынской тюрьме; 2) крестьянин П. С. Тимашев, в г. Саратове; 3) кр. Ал. Р. Сильвестров — с Зуево-Орехово, Моск. губ. Свидетели: пристав 1-й части г. Саратова Попов; 2) окол. надз. Синягин; 3) унт.-кварт. Шорин; 4) окол. надз. Шадрин; 5) крестьян. Петров; 6) окол. надз. Кольбау; 7) унт.-кварт. Винокуров; 8) цеховой Широшов; 9) ночной караульщик староста Взовсков; 10) кр. Шепелев.

Екатеринослав, 12 марта. С 4 марта началась забастовка в Екатеринославском высшем горном училище. Произошла она по след. поводу: недели две тому назад стали известны приговоры екатеринославским демонстрантам (декабрь 1901 г. и февраль 1902 г.): студ. Костюшко и Полушкин — 4 и 5 лет Вост. Сиб., девице Жмуркиной — 3 года, рабочим Косареву, Гольденберг (женщ.), Дворецкому и Ерманку — по 4 и 5 лет Вост. Сиб. Все эти лица до сих пор содержались в тюрьме; и приговор, хотя и показался чересчур суровым, однако никого не удивил. Но вдруг 3 марта арестовывают студ. горного уч. Кравцова, обвинявшегося по делу о демонстрации, давно уже освобожденного и продолжающего обучаться в уч., чтобы отправить его в Вятку. Это событие сильно действовало на студентов, и на 4 марта была созвана сходка, на которой из 240 студентов горн. уч. присутствовало 160 ч. Большинство двух третей голосов (113) была принята резолюция, резко порицающая бессмысленный и жестокий приговор студентам-демонстрантам и объявляющая прекращение занятий впредь до удовлетворения выставленного сходкой требования — предания демонстрантов гласному суду. Администрация училища, во главе с директором, всполошилась, сама созвала сходку, на которой умоляла студентов вести себя лояльно, обещая студентам содействие в достижении ими легальными средствами их требований.

Видя, что ничего не помогает, директор поехал к губернатору (гр. Келлеру), прося как-нибудь помочь делу. Губернатор ответил директору, чтобы тот уговорил студентов успокоиться, пока еще не поздно, т. е. пока не начались уличные беспорядки, которых, по мнению гр. Келлера, можно ожидать. Директор вместе с губернатором отправляются к жандармам, кот. объявляют, что для Полушкина и Костюшко ничего сделать нельзя, но что Кравцов, Карпов, Шахнович и Владыкин (последние трое находились в таком же положении и должны были быть, как объявили жандармы, арестованы со дня на день) могут спасти себя только подачей телеграммы мн. вн. дел с просьбой ходатайствовать у царя о помиловании. Убеденный губернатором и жандармами, директор отправляется в училище, зовет к себе трех упомянутых студентов в кабинет и предлагает им подать телеграмму мн. вн. дел, говоря, что арестованный Кравцов тоже сделал это (это факт). Те, недолго думая, решили подать телеграмму (вот ее текст: «Мин. вн. дел. Покорнейше ходатайствую у вашего высокопрев. о предстательстве перед его импер. вел. о помиловании меня от наказания и дать возможность продолжать высшее образование»), но это не прекратило забастовки: студенты были возмущены поведением своих четырех товарищей и решили продолжать выставлять свое требование — предание демонстрантов гласному суду. Все это время Орг. Ком. учил. выпускал листки за своею подписью с резко политической окраской, а также другие революционные издания (между прочим прокламацию О. К. Росс. С.-Д. Р. П. о юбилее печати). 10-го ночью демонстрантов должны были отправить в Сибирь: студенты и рабочие решили пойти проводить их. На вокзале собралось около 50 чел. студентов, рабочих и прочей публики. Но прово-

доть не удалось, так как отсылаемых отправили не с тем поездом. Тогда провожавшие пошли толпой по проспекту и, пройдя два квартала, запели «Варшавянку», но тотчас же были арестованы следовавшими за ними с вокзала казаками и полицией. Всего арестовано 32 ч., которые административно приговорены к аресту от 2 до 7 дней. Забастовка продолжается.

День 19 февр. прошел спокойно, хотя полиция довольно деятельно готовилась к этому дню (были приготовлены солдаты и казаки). День этот был отпразднован двумя собраниями (одно в 45, другое в 70 чел.), на которых ораторы говорили на тему о значении 19 февраля для России, для пролетариата и т. д. Собрания прошли оживленно.

Четырем рабочим, привлекавшимся по делу о демонстрации 5 мая 1902 г., вручен обвинительный акт по обвинению их по 252 ст.; дело будет разбираться в Харьк. суд. палате (когда, — еще неизвестно). Остальные привлекавшиеся по этому делу, за недостатком улик, исключены из дела. Из обвиняемых старшему 20 лет, младшему — 16.

Тверская губ. В Новоторжском уезде земские либералы, во главе с своим предвод. дворянства — молодым Петрункевичем, праздновали юбилей своего исправника. На юбилее говорили ему комплименты в том смысле, что с его властью он мог бы приносить вред, а между тем не приносил. Спустя короткое время уездная управа по ошибке получила из канцелярии губернатора на свое имя пачку доносов исправника-юбиляра и инспектора народных училищ Лелянова. В доносах указывается на наличность «социального брожения» в уезде, на совещания управы с учителями и пропаганду земцев среди учителей и т. п. Управцы пожаловались губернатору, заявив свою обиду, но губернатор расшаркался и уволил несколько человек из своей канцелярии. Этот Лелянов, вообще, отличается в деле сыска: он подговаривает квартирохозяев следить за учителями, допрашивает возниц о том, куда учителя ездят на собрания, при учениках распекает учителей за безбожие и т. п. Некоторых учителей он допрашивал об их участии в убийстве волостного старшины Василевской волости. Убедившись, что допрашиваемый учитель ни при чем, Лелянов заявляет ему: «Все же из разговора с вами я убедился, что придется вас удалить».

Об этом убийстве известно следующее: в Василевской волости оказался убитым среди улицы новый старшина; деньги, часы и пр. оказались при нем. Старшина был назначен земским начальником, вопреки желанию крестьян, и молва указывает на это обстоятельство как на причину убийства.

Вообще брожение среди крестьян сильное. Недавно были расклеены самодельные прокламации (произведены гектографом, сделанным на клею и дающим пять оттисков). Попы говорят проповеди о фабричных «мышках», дурно влияющих на деревню. Недавно в одной из чайных Тверской губ. арестован простой крестьянин за то, что читал «призывным» толстовскую «памятку».

Москва, 12 марта. Месяца полтора тому назад на Коломенский вагоно-строительный завод приехал министр Хилков по случаю выпуска трехтысячного вагона (или паровоза?). Он произнес перед собравшимися рабочими речь, в которой благодарил их за то, что они всегда стояли в стороне от «злонамеренных элементов», и уверял, что улучшения своего положения они могут добиться лишь законным путем. Затем он проявил свою благосклонность тем, что уничтожил «стесняющие их» обыски, сократил по субботам рабочий день на два часа и подарил всем, кто прослужил «беспорочно» десять лет, серебряные часы. Затем он ввел особую книгу, где будут записываться все «беспорочные служащие» для соответственных наград.

С месяц тому назад в газетах сообщалось, что у управляющего Даниловской мануфактурой исчезла дочь. Затем в «Московских Ведомостях» появилось письмо настоятеля соседнего мужского монастыря, где, «в виду распространявшихся слухов, будто исчезнувшая девушка находится у них в монастыре», это решительно опровергается. Теперь выяснилось следующее. Девушка была похищена монахами, изнасилована и находилась в монастыре. Когда

рабочие узнали об этом (а новый управляющий, порядочный человек, пользуется их расположением), они собрались толпой и хотели пойти разгромить монастырь. Но управляющий удержал их, говоря, что он заявил уже прокурору и делу дан законный ход. Но на-днях, говорят, митрополит Владимир ездил к царю и исходатайствовал прекращения дознания по этому делу. Между тем рабочие остыли и дело, вероятно, кончится ничем (этот факт передают со слов одного из товарищей прокурора). Имя похищенной — Роза Волей.

Теперь начинаются осложнения в Бутырьках. Политических вдруг начали притеснять при свиданиях. Прекратили общие свидания, наконец, прекратили личные свидания и теперь разрешают только свидания за двойной решеткой, в виду того, будто бы, что прежде на свиданиях политических передавалось много запрещенного. Все заключенные отказались от свиданий, и теперь сообщение с тюрьмой прервано.

Здесь обнаружился новый опасный провокатор — Петр Глебович Ярков (он же Гордеев), «раскаившийся» рабочий.

Вологда. Новый вол. губернатор Ладыженский, начавший свою деятельность либеральной речью в земском собрании и заигрыванием с политическими ссыльными, за последнее время все более и более выясняет свою настоящую физиономию, являясь таким же самодуром, как и его достойный предшественник Муравьев, прославившийся в свое время закрытием дворянского клуба.

Подвиги нового помпадур начались следующим инцидентом. Явившись на закрытие земского собрания, Л. усмотрел великое оскорбление своему помпадурскому достоинству в том, что находившаяся в зале публика (бол. частью ссыльные) сидела в его присутствии. Когда помпадур высказал свое недовольство поведением публики провожавшему его председателю собрания Андрееву, последний, возвратясь в зал, обратился к публике с речью, в коей в крайне грубой форме упрекал ее в непонимании приличий. В ответ на это ссыльный Дрелинг, бывший в числе публики, от лица последней заявил: «Г. председатель! Мы не сочли нужным вставать, ибо губернатор обращался с речью вовсе не к нам, а к гласным. Что же касается до правил вежливости, то они известны нам не менее, чем вам и гг. гласным». Андреев в тот же день сообщил о поступке Дрелинга губернатору, а последний немедленно выслал Дрелинга в Кадников, несмотря на то, что у него был опасно болен ребенок и, кроме того, оставался всего месяц до окончания срока ссылки. Эта высылка произвела большое возбуждение не только среди товарищей Д., но и среди обывателей, также негодовавших на донос Андреева и самодурство губернатора. «Мы думали, что Андреев только идиот, а он еще и мерзавец. Да и Ладыженский хорош!» — говорили многие. Когда эти слухи дошли до А., то он начал ездить по своим знакомым и уверять их, что он, сообщив губернатору о поступке Д., вовсе не желал принести Д. вред, а просто необдуманно сбrehнул и теперь готов искупить свою вину: если бы был какой-нибудь повод, то он охотно съездил бы к губернатору и упросил бы его вернуть Д. в Вологду. Но так как никакого повода для поездки к помпадуру не нашлось, а беспокоить такое сиятельное лицо из-за одного только этого инцидента глубоко постигший все тонкости этикета А. не решился, то он и ограничился только этим заявлением в кругу своих знакомых. Повидимому, и на Л. слухи о возбуждении среди ссыльных и вол. интеллигенции оказали свое действие, и он, опасаясь скандала, начал раскаиваться в своем опрометчивом распоряжении. Как раз в это время к нему явилась жена Д. и объяснила, что публика не вставала в собрании не потому, что хотела устроить демонстрацию, а просто потому, что не считала это нужным; что всякий на месте ее мужа поступил бы так же, как и он, ибо А. оскорбил публику; что она полагает, что дело передано в извращенном виде, и надеется, что теперь, когда она выяснила недоразумение, ее муж будет возвращен, — тем более, что сам А. раскаивается в своем поступке. Через три дня после этого объяснения Д. был возвращен в Вологду. Нужно заметить, что с высылкой Д., повидимому, связано и следующее обстоятельство: за несколько дней до нее у ссыльных была отобрана подписка в том, что им

встрещается «посещение вокзалов и пароходных пристаней для встречи и проводов своих товарищей-ссыльных».

Вскоре после истории с Д. вызывают к губернатору ссыльного А. Луначарского (литератор) и объявляют, что он высылается в г. Тотьму за то, что его корреспонденция в «Сев. Крае», как заявляет об этом управляющий акцизным округом Миквиц, вносит недовольство в среду рабочих Волог. винного склада. На самом деле эти корреспонденции носили совершенно невинный характер: касаясь спектаклей, устраиваемых для рабочих вин. склада и нося в общем сочувственный им характер, корреспонденции констатировали, что на этих спектаклях рабочие стоят в углу, а все места заняты администрацией и ее знакомыми*. После длинного объяснения с губернатором, последний дал слово Луначарскому, что его не вышлют из Вологды. Между прочим: Лунач. была назначена по приговору Вятск. губ., которая, согласно его прошению, была заменена мин. вн. дел г. Вологдой. Через два дня Луначарский был снова вызван в полицию, где ему вручили проходное свидетельство в г. Тотьму. Когда он стал требовать объяснений, то ему сказали, что мотивы высылки может знать только губернатор, который только что выехал в Петербург. Луначарск. удается захватить помпадур на вокзале. На вопрос Лунач., почему его высылают, когда ему было дано слово оставить его в Вологде, помпадур отвечал, что тогда он действительно обещал, а теперь «передумал». «Имеются новые факты», — добавил он многозначительно, но назвать эти факты отказался. На другой день Лунач., несмотря на его требования отсрочки, чтобы собраться в дорогу, должен был отправиться в Тотьму.

В январе в городском театре предполагалось поставить пьесу Амфитеатрова, о чем было уже заявлено в афишах, но губернатор запретил ставить ее, опасаясь, что учащиеся устроят автору сочувственную демонстрацию.

В половине февраля был арестован ссыльный Саммер для отбывания наказания. Летом при обыске у него нашли нелег. лит., возбудили по этому поводу дело, и в настоящее время получен приговор — 1 мес. ареста при полиции. Саммера поместили во 2-й части в кабинете пристава, но через два дня приехал прокурор и приказал перевести его в камеру для пьяных, в высшей степени грязную, темную и душную. Тогда Саммер объявил голодовку, отказался от книг и свиданий, требуя перемены камеры; через два дня голодовки его пришлось отправить в больницу в виду сильного нервного расстройства.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Трагедия в Златоусте. Вот что пишут нам о боине 13 марта:

«В начале марта рабочим казенного завода в Златоусте были предложены новые расчетные книжки с измененными правилами. Этими новыми правилами вводились денежные взыскания за поломку инструментов, станков, машин; крупные штрафы за опоздание и т. п. и угроза тюремным заключением за разные нарушения правил. Рабочие отказались принять книжки и бросили работу. 12 марта, после нескольких дней стачки, в Златоуст прибыл уфимский губернатор с войсками и, запретив рабочим собираться, приказал выбрать депутатов для переговоров с ним. В тот же день были выбраны четыре депутата, которые и изложили требования рабочих о сохранении прежних условий. В ночь с 12-го на 13-е марта все депутаты были арестованы и куда-то увезены из Златоуста. На утро возбужденная толпа, тысяч в пять, подкрепленная рабочими из соседнего Кузинского казенного завода, где также началась забастовка (с теми же требованиями), собралась на площади. Когда вышел губернатор, рабочие сняли шапки и заявили, что они просят возвратить арестованных.

* Помимо этого, установлено, что никаких волнений среди рабочих склада нет и не было.

Жена одного из арестованных привела детей и обратилась к губернатору со словами: „Вы взяли моего мужа, теперь мне нечем кормить моих детей, берите и их“. Ее обругал какой-то офицер, она его ударила и была избита за это пашками. Возбуждение росло. На отказ губернатора вернуть депутатов, послышались из толпы угрожающие возгласы: „мы вас всех перебьем“ и т. п. Этого было достаточно, чтобы войскам был дан знак стрелять. Сделано было два залпа (двести выстрелов); в результате — более ста раненых и много убитых (точная цифра убитых пока неизвестна; в разных показаниях она колеблется от 20 до 69!). В числе убитых есть женщины и дети. После двух залпов толпа рассеялась, но когда трупы были свезены на кладбище, туда собрались рабочие и разнесли их по домам.

«В Уфе, в предупреждение беспорядков по поводу злоустских событий, предполагается расквартировать казаков. В рабочей части города — Софроновке — был опрос, сколько может там поместиться казаков в каждой квартире. Запасным чином дано предписание быть готовыми к оказанию содействия войскам».

Позднейшее сообщение:

«Во время переговоров рабочих с губернатором, последний схватил одного рабочего, стоявшего в передних рядах, и пытался его вытащить из толпы, очевидно, чтобы арестовать. Толпа не дала его, причем, отнимая, повалила губернатора. После этого губернатор вбежал на крыльцо и дал знак стрелять. Стреляли с двух сторон. Говорят, что и сам губернатор стрелял из револьвера. Действительно, у мальчика Лысова была вынута из колена револьверная пуля.

«Число убитых выяснилось теперь точно: 15 марта похоронили шестьдесят девять (69) человек, убитых напав на умирших от ран. Перед похоронами их принесли на площадь, где жил губернатор, и там отслужили панихиду. Присутствовало все население завода и много приехавших — до двадцати тысяч человек. Чувствовалось, что в воздухе собралась гроза. Достаточно было малейшего повода, чтобы общее настроение вылилось в самые бурные проявления. „Не остановились бы ни перед чем“, — говорили впоследствии рабочие. Но нигде не было видно ни одного полицейского, ни одного солдата (их спрятали во дворах и в арсенале). Губернатор не показывался.

«Работа возобновилась с 14 марта только потому, что было объявлено о закрытии завода, если стачка продолжится. Но книжек рабочие не принимают.

«Теперь по отношению ко всем приезжающим в Златоуст приняты исключительные меры: на вокзале их останавливают жандармы и требуют записи на особом листе целого ряда показаний (кто? откуда? к кому? зачем приехал? и пр.)».

* * *

От редакции. Новое подробное правительственное сообщение о златоустовском преступлении показывает, что даже холопы самодержавия смущены неслыханным по размерам кровопролитием 13 марта. Губернатор пытается свалить вину на «подпольную агитацию» и натравить общественное мнение против агитаторов, как нравственных виновников происшедшего. Представители этой агитации могут противопоставить этим утверждениям тот, констатированный правительством факт, что рабочие Златоуста шли на штыки и под пули, требуя освобождения этих «подпольных агитаторов», которых они научились ценить как своих предводителей. Они, по словам правительственного сообщения, требовали выдачи агитаторов рабочим «под личное их покровительство». И находящимися под «покровительством» такой городской массы социалистам-агитаторам не страшны клеветы и инсинуации, распускаемые правительством!

Губернаторское сообщение теперь уже признает наличие 45 убитых (28 на месте и 17 от ран) и 100 раненых (включая этих 17). Наш корреспондент сообщает, что хоронили 69... Из числа убитых двое и из числа раненых 18 (шесть тяжело) — не рабочие, а любопытные зрители, следовательно, убитые за то, что «попались под руку».

Наконец, губернатор, в извращенном виде представив все дело, успокаивает публику известием, что о всех раненых тщательно заботится усиленный медицинский персонал при содействии «Красного Креста». О, их постарайтесь вылечить, это несомненно! Постарайтесь для того, чтобы предать продажному суду, — не правда ли, ваше превосходительство?

У ф а. Уфимский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. по соглашению с Самарским Комитетом 19 февраля выпустил на гектографе две прокламации за одной общей подписью обоих комитетов; одна из них составлена Уфимским Комитетом, другая — Самарским. Прокламации в ночь на 19-е были расклеены и разбросаны по городу в количестве более 500 экземпляров и разосланы в письмах по городу и губернии в количестве около ста экземпляров. Полиция ожидала, что 19 февраля не пройдет без революционной агитации, и накануне 19-го вечера она уже сделала свои набеги на квартиры рабочих, произведя в ночь на 19-е с восьми часов вечера до шести часов утра около десяти обысков; по городу в эту ночь была усиленная слежка: ночью видели монахов, которые утром направлялись к жандармскому управлению. Все это, однако, не помешало успешному распространению прокламаций, хотя полиции все-таки удалось задержать на улицах трех рабочих. Обыски в квартирах оказались безрезультатны.

ПИСЬМО В «ИСКРУ»

Тульского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии¹⁰.

С начала 1902 года Тульская группа партии вступила на путь массовой пропаганды. Она стала заниматься собственным издательством листовок на разные темы. Это не были прокламации в собственном смысле, т. е. не были изредка появляющиеся агитационные, призывающие к какому-либо действию листки; это были в большинстве случаев хотя и приносившие к тем или другим злобам дня листки, но скорей объясняющие то или другое интересное явление, чем призывающие к тому или другому действию. Воспроизведение этих листовок было поставлено плохо и обходилось невероятно дорого, несмотря на все усилия руководителей группы. Объясняется это той общей причиной, что всякой местной группе, предоставленной самой себе, крайне трудно удовлетворять хорошо всем своим потребностям, так как этих потребностей очень много и с каждым годом их становится все больше и больше. Всего за год было выпущено около десяти листовок. Считаем в том числе такую брошюру, как «Пауки и мухи» и некоторые другие важные для местной работы издания. В начале года издавали преимущественно на mimeографе, а затем, к сожалению, пришлось перейти к гектографу по разным более или менее случайным, но достаточно серьезным причинам. Весь год, с самого его начала и до самого конца, сильнейшим образом ощущался недостаток в общей (брошюрной и журнальной) литературе. На заботы о добыче литературы тратилось чрезвычайно много сил, времени и денег, а литературы до самого последнего времени все-таки не было. Людям, стоящим не у самого центра этих забот, казалось даже, что Комитет бездействовал. Такое мнение высказывалось отчасти и потому, что Комитет не считал правильным выпускать много листовок, не подготовив некоторых условий, обеспечивающих непрерывность местной работы, например, не организовав преемственность в этой работе. При приближении первого мая буквально все население Тулы ждало в этот день «бунта». Никакого «бунта», конечно, не было. Весь год настроение среди рабочих было очень подавленное, благодаря сильнейшей безработице, все более и более обостряющейся. В городе чрезвычайно усилились нищета и грабежи. А увольнение рабочих все продолжается, и конца этому не предвидится. Так, например, с оружейного завода увольняют постепенно целыми тысячами. Кулаки же буквально голодают. Сознательная часть рабочего населения лихорадочно следит за ужасным процессом усиливающейся безработицы и глухо волнуется; было два

отдельных случая расправы с начальством: в начальника железнодорожных мастерских Баумана стрелял кто-то из рабочих; мастера Конышева с фабрики Теплова избили до полусмерти (ни в том ни в другом случае задержан никто не был). В то же время сознательные рабочие все более и более планомерно организуются, что, вероятно, в скором времени пригодится им на деле. Во втором полугодии местный Комитет партии составил и издал (прилагаемый) «План организации» местной группы, а в самом конце года выработал и «план действий» на следующий 1903 год; этот план содержится, конечно, в тайне. В 1902 г. тульская полиция произвела два набега на местных жителей: в апреле и в декабре. Кроме того было арестовано несколько человек в разное время порознь. В январе был арестован Харахорин и скоро освобожден. В феврале был арестован конторщик оружейного завода Федоров (просидел восемь месяцев в тюрьме, что и вменено ему в наказание). В апреле были арестованы одновременно: Е. Литкенс, А. Литкенс, С. Луначарская, И. Розин, А. Шпанов, А. Малевский. В апреле же в Тульскую тюрьму была привезена М. Иваницкая. В мае арестован Чудов. В августе — В. Кислов и Дронов. В декабре — опять А. Шишков, Коллюжный, Панченко и Мышецкая. Кроме четырех последних, все освобождены, просидевши в тюрьме разные сроки, от одной недели до восьми месяцев.

В заключение просим вас напечатать следующее: еще в первом полугодии по всей России распространился ни на чем не основанный слух, что в Туле солдаты отказались стрелять в рабочих и «подняли на штыки» своего офицера. Мы твердо убеждены, что недалеко то время, когда солдаты так именно и будут поступать, но пока у нас, по крайней мере в Туле, этого не было, и кто сочинил эту довольно правдоподобную сказку, — не знаем. Наш безотрадный обзор 1902 года не помешает нам бодро смотреть вперед и работать с твердой уверенностью в том, что лучшие времена не за горами.

Январь 1903 г.

Тульский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Комитет просит опубликовать следующую резолюцию, которая, по независимым обстоятельствам, попала к нам с опозданием: Тульский Ком. Российск. С.-Д. Рабоч. Партии постановил выразить через «Искру» всем ростовским и тихорецким товарищам, принимавшим участие в ноябрьских забастовках и сходках, свое искреннее сочувствие, глубокое уважение и братское спасибо за хороший пример смелого заявления своих правильных требований.

Ростов-на-Дону (писано до демонстрации 2 марта). Надежды местной полицейской орды на 19 февраля, когда она ожидала пожать лавры и тем возместить себя за «косенные события», совершенно не оправдались. А она ли не старалась для того, чтобы вызвать желанные для нее в настоящее время «события» и «поступки». В самом деле, ею, совместно с местной «средиземной эскадрой», были пущены в ход все меры провокации. Но в результате вышла одна смешная контр-демонстрация, развеселившая всех обывателей города. С 9—10 часов вечера 19 февраля от Таганрогского проспекта до Соборного переулка сновали целые толпы городских и переодетых жандармов. Настроение шпионов было чрезвычайно приподнятое, и они метались, как угорелые, выглядывая «неприятеля». Но «неприятеля» не было видно, несмотря на то, что для предполагавшегося «усмирения» его было наготове 6 сотен казаков, вызванных к 19 февраля. Растерявшееся начальство думало, что события непременно должны были произойти, как и в прошлом году, в этот день. Но — увы! — напрасно помпадуры почесывали свои зудевшие руки. «Крамолы ростовская», судя по возрастающему революционному настроению среди рабочих, охарактеризованному отчасти в прошлой моей корреспонденции, несомненно проявится, только не тогда и не в том месте, как это желательно «попечительной» жандармерии, а только тогда, когда для этого будет достаточно революционных оснований. Несмотря на то, что здесь уже функционирует охранное отделение, которое завело систему «стационарного выслеживания», работа революционная среди рабочих кипит по всей линии.

Почти под носом шпионов и жандармерии происходят громадные собрания, ростовская пролетарская революция рвется на поверхность общественно-политической жизни, вопреки всем жандармским проискам. На днях за городом были три сходки, каждая по 350—450 человек. На сходках этих под открытым небом горячо дебатировались самые разнообразнейшие политические темы. На одной из них обсуждалось значение 19 февраля для общественных отношений России и, в частности, значение его для рабочего класса; указывалось в речах говоривших ораторов на особенно неблагоприятные условия освобождения в России, где оно произошло не революционным способом, а оппортунистическим, и т. д. На последней сходке оратор знакомил рабочих с пресловутой партией социалистов-революционеров, указывал рабочим на оппортунистический и буржуазный характер программы «неуловимых» социалистов-революционеров, и в заключение своей речи оратор указал те позиции, на которых должны стоять рабочие по отношению к социалистам-революционерам, которые для рабочих должны являться не идейными союзниками, а идейными противниками, пренебрегающими их классовыми интересами и затемняющими их социальное сознание посредством «неуловимого террора и тех жалких оппортунистических потуг, которые именуются у соц.-рев. революционной программой. Речь эта на рабочих произвела громадное впечатление. Вообще нужно отдать справедливость Донскому Комитету за умелое и толковое воздействие на рабочих. Нужно заметить, что о сходках полиция узнала только через несколько дней, так как она была расстроена неудачей с 19 февраля.

Одесса. Здесь была в день 19 февраля оживленная сходка 700 рабочих, на которой говорились речи. Нагрянувшей полицией задержано только 4 рабочих.

Харьков. На паровозостроительном заводе вновь назначено к расчету 300—400 человек. Рабочие посылали к новому фабричному инспектору Рюмину — ставленнику кн. Оболенского — своих делегатов, прося сделать что-нибудь для смягчения нужды. Конечно, Рюмин ничего не сделал.

Местный Комитет партии издал прокламацию, приглашая рабочих завода требовать, чтобы наличный контингент не был сокращаем, а работа была распределена между всеми при устранении всяких сверхурочных работ и уменьшении рабочего дня до 8 часов.

С Урала. Март. На Михайловском листопрокатном заводе (Екатеринб. у.) большая стачка: требуют увеличения заработной платы до размеров, при которых возможно было бы существовать не только рабочему, но и его семье. Держатся дружно, но трудно ожидать победы. Сбыта на листовое железо почти нет, и заводоуправление может вовсе прекратить на время работы.

Из Польши (из «Красн. Знамени», орг. польск. соц.-дем., № 4). В Ченстохове в начале февраля забастовало в ткацком отделении джутовой фабрики «Варта» 120 женщин и 20 мужчин. Рабочие требовали прекращения обшчитывания, практиковавшегося благодаря отсутствию точных правил о расценках. Попытка полиции раз'единить стачечников не привела ни к чему. Стачка кончилась победой рабочих.

Такой же победой кончилась трехнедельная стачка 120 еврейских портных в г. Полоцке.

Новочеркасск (март). Здесь был арестован и сидел раб. Костылев, взятый по сулинскому делу. После беспорядков на заводе Пастухова (ст. Сулин, Ю.-В. ж. д.), бывших прошлогодней масленицей, там были произведены аресты, не затронувшие организованных рабочих. Содержатель пивной, как-то выведая у посетителей-рабочих, что у них есть кружок, выдал их жандармам. Рабочие — народ молодой и неопытный — на допросах разговаривали и оговаривали некоторых товарищей, в том числе и Костылева, которого взяли уже в Новочеркасске, где он тогда рабо-

тал. Сидел он с октября 1902 г. до 7 февраля 1903 г., когда его выпустили под залог (500—1000 руб.). Железнодорожные мастерские в Новочеркасске приняли его вновь на службу. — В здешних мастерских работает до 300 чел. Здания мастерских довольно ветхие, крытые толем, сквозь который сильно протекает вода, так что весной и осенью приходится работать, стоя в воде или на мокром деревянном полу, в котором многие доски прогнили. В холодное время топят (отопление паровое), но лишь с приходом рабочих, так что воздух нагревается только к 5—6 часам, когда приходит пора уже расходиться. Штрафы не слишком сильны, хотя всецело зависят от сварения желудка мастера. Рабочий день — десять с половиною часов, с обедом и завтраком — 12 час. Рост сознательности замечается с 1901—1902 гг., под влиянием близости Ростова-на-Дону (2 часа по жел. дор.) и событий последних лет. За последнее время ходко идут и требуются прокламации Донского Комитета. Носильщики на этой станции получали пять руб. в месяц от дороги и чаевые от-кассиров. Теперь получено от управляющего дорогой предписание выгнать всех носильщиков и заменить их новыми, но без всякой платы от дороги, а также перевести кондукторов на поденную плату, что равно сильному понижению заработной платы. Распоряжение это вызвало такой протест, что начальник не решился привести его в исполнение и поехал в Воронеж за инструкциями. Ростовское охранное отделение прислало сюда своих агентов искать типографию Донского Комитета. Прокламация последнего о 19 февраля «Предательское освобождение», развенчивающая царя-батюшку Александра II из его роли «бескорыстного освободителя», распространена была здесь в большом количестве. Второго и третьего марта было вызвано отсюда по сотне казаков, а четвертого послана еще сотня в Ростов.

ИЗ ПАРТИИ

ЗАЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА.

В последнее время между Центр. Комитетом Бунда, Заграничным Комитетом Бунда и «Искрой» по поводу образования Организационного Комитета возникла полемика, которая может бросить тень на взаимные отношения Орг. Ком. и Бунда.

В виду этого Орг. Ком. в совещании своем, в котором принимали участие представители всех образовавших его организаций («Искры», Бунда, «Южн. Раб.» и Петербургск. Комит.), обсуждал этот печальный инцидент и решил довести до сведения всех организаций Росс. С.-Д. Р. П., что весь этот инцидент является плодом недоразумения. Ни со стороны Орг. Ком. не было намерения устранить Бунд от участия в нем, ни со стороны Бунда не было желания мешать деятельности Орг. Ком. Во избежание подобных недоразумений Орг. Ком. просит, чтобы отдельные организации не выступали с печатными заявлениями по организационным делам Комитета, не снесясь с ним и не испытывая предварительно возможности выяснить недоразумения организационным путем.

13 марта 1903 г.

Орган. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Мы получили след. заявление:

«Согласно постановлению Орг. Ком. от 13 марта не считая возможным ответить на письмо в редакцию «Искры» («Искра» № 33) делегата Орг. Ком., который вел со мной переговоры по поводу присылки „Известия“».

Член Центрального Комитета Бунда — член Орг. Комитета».

Заявление Тульского Комитета Росс. Соц.-Дем. Р. П.

Будучи вполне согласен с «Искрой», как в вопросе о терроре, так и в аграрном вопросе, Тульский Комитет считает нужным заявить «Искре», что он, конечно, согласен с принципами напечатанного ею в № 21 «проекта программы» (о деталях в другой раз). Если же по организационным вопросам и оказались бы какие-либо разногласия, то Комитет уверен, что эти разногласия окажутся незначительными и лишь временными. Во всяком случае Тульский Комитет горячо приветствует все начинания «Искры», направленные к скорейшей окончательной организации единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, и желает видеть «Искру» и «Зарю» руководящими органами этой партии.

Два слова о «социалистах-революционерах»: мы считаем, что полемика с ними со стороны «Искры» более, чем достаточно, корректна, считаем, что она полезна в смысле разжевывания различных теоретических и тактических вопросов, но советуем не выдвигать эту полемику на первый план газеты, считая, что это слишком почетно для такой несостоятельной теоретически партии, как «партия социалистов-революционеров».

Январь 1903 г.

Тульский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Приветствуя выступление Сибирского Социал-Демократического Союза как Комитета Партии с определенной, ясно выраженной, революционно-социал-демократической программой, приветствуя заявление Союза о его полной «солидарности с организацией „Искры“ по вопросам принципиальным, тактическим и организационным», — Иркутский Комитет в свою очередь открыто признает газету «Искра» своим руководящим органом, выражает полную готовность оказывать этому органу в его агитационной и организационной работе как материальную, так и духовную поддержку и всеми силами способствовать Сибирскому Союзу — Комитету Партии в проведении им на практике принципов революционной социал-демократии.

Приветствуя это заявление, по существу значительно разнящееся от программы Союза, опубликованной два года тому назад, Иркутский Комитет выражает полную уверенность, что такое открытое, определенное и решительное заявление в духе революционной социал-демократии послужит могучим толчком к оживлению и укреплению социал-демократической работы в Сибири.

Комитет решил отчислять в пользу организации «Искры» минимум 10 проц. ежемесячных поступлений.

Февраль 1903 года, Иркутск.

Иркутский Ком. Росс. С.-Д. Р. П.

Заемствуем некоторые интересные данные из «Отчета о деятельности Донского Ком. Р. С.-Д. Р. П. за 1902 г.». Комитетом было издано 46 прокламаций в количестве 60.000 экз., из коих две в феврале, две в марте, пять в апреле, одна в мае, 12 в сентябре и октябре до начала стачки и 23 в течение стачки. Сверх того, изданы майская брошюра и брошюра Либкнехта «Пауки и мухи» в 4.500 экз. «Надо заметить, что до 1902 года за все время существования местной соц.-дем. организации ею выпущено всего 19 прокламаций в количестве, приблизительно, 10.000 экз.»

Бюджет Комитета составил в 1902 г. 5.000 рублей. Связи Комитета сильно расширились, впервые положено основание организации женщин-работниц, созданы небольшие рабочие организации в тяготеющих к Ростову городах и заводских поселениях, образовано общество «Красного Креста» и заведена собственная типография, так блестяще себя зарекомендовавшая во время стачки и последовавшего за ней периода усиленного жандармского сыска.

В течение 1902 года были устроены две демонстрации (19 февраля на улице и 13 марта в театре) и сделана неудачная попытка демонстрации 19 апреля.

«С твердой верой вступаем мы в 1903 г. Мы глубоко верим, что этот год несет не только рост революционных

сил, но и рациональную организацию и использование этих сил. Мы надеемся, что этот год принесет нам фактическое объединение нашей партии, прекратит недостаточное шатание умов в рядах соц.-демократии, положит предел внутренним распрям и несогласиям, от которых, как от жандармских набегов, страдает наша деятельность». Такими словами заканчивает Комитет свой обзор революционного года, в котором его деятельности принадлежит столь почетное место.

За последнее время деятельность Екатеринбургского Комитета Росс. С.-Д. Раб. Партии выразилась в распространении след. листовок: «19 февраля», «О ростовских событиях», «О юбилее печати» (изд. Орг. Ком.) — первые в колич. 3-6 тыс. экз., третий — в 1.500 экз.; был издан № 8 «Летучего листка» (4 тыс.) и распространено по рукам большое количество всякого рода нелегальной литературы (главным образом изд. «Искры» и «Южный Рабочий»). В последнее время сильно растет спрос на нелег. лит-р. в близлежащих городах (Кривой Рог, Александровск, Павлоград и др.). Екатеринбург. Ком. по мере возможности удовлетворяет эти требования и рассылает туда.

Петербург. Ком. изд. прокламации: 1) о зубатовщине («Волк-оборотень»), 2) о сельско-хоз. ком. и 3) доклад старшего фабр. инспектора упр. отд. промышленности. О последнем документе, в виду его интереса, мы расскажем подробнее в след. ном. Тифлисским Ком. выпущен прокламация к солдатам и листок о демонстр. 23 февр. — Иркутским Комитет. — листок «К обществу» об арестах в Иркутске. — Сибирским Ком. (Ком. Партии) переиздано в собственной тип. «Извещение Орг. Ком.» и издан листок о приказе ген. Сухотина.

Харьковским Комитетом партии изданы воззвания: 1) к рабочим паровозостроит. завода, 2) по поводу первого марта, 3) о ростовской демонстрации, 4) «Маску долой» (о фабр. инспект. Рюмине), 5) «Откуда берет правительство деньги и на что их тратит». — Тульским С.-Д. Ком.: листок об увольнении 1.500 рабочих с оружейного завода и воззвание: «К крестьянам от тульских рабочих». — Нижегородским Ком.: письмо Заломова из тюрьмы (приведенное в № 35 «Искры»); Саратовским Ком.: о 19 февраля; Северным Союзом — по тому же поводу; Комитетом Кишиневской соц.-дем. организации: о первом марта; Соц.-дем. союзом горнорабочих: листок № 5 (о безработице); другой листок с призывом к поддержке «Союза» (в 2.000 экз.) и «Пауки и мухи» Либкнехта (в 8.000 экз.). Все три листка, равно как и вышедшие раньше, хорошо отпечатаны в собственной типографии. — Одесским Ком. изд. листок о 19 февраля. Бакинским Ком. в марте выпущена прокламация по поводу удавшейся демонстрации. «Бундом» издан № 31 «Голос Рабочих» (январь 1903 г.).

Вышел № 4 «Красного Знамени», органа Социал-Демократии Польши и Литвы (март 1903 г.), Содержание: Памяти Маркса. — Бурный месяц. — Речи русских рабочих на суде. Корреспонденции из Польши и из России. Заграничная хроника.

В феврале издан № 2 «Соц.-Дем. Обозрения», научного органа той же партии. Содержание: Польские читатели царя. — Памяти «Пролетариата», Розы Люксембург. — Профессиональные союзы в Германии, С. Адамского. — Русские социал-демократы о польском и национальном вопросе. — Корреспонденции. — Журнальное обозрение. — Критика и библиография. — Общественно-политическая хроника.

Вышли издания «Лиги рев. русской соц.-дем.»: 1) Милитаризм и рабочий класс и 2) Пролетарский праздник.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Тверь. Арест. Рагозин; в Торжке вторично арестован пом. земск. агронома Кузнецов (выпущен после допроса). —

Екатеринослав. В февр. арест.: Ямпольский (поднадзорный, выпущен), бывш. семин. Евгений Беззабава (увезен в Спб.) и др. — Новороссийск. Из арестов. за ноябрьскую стачку рабочих сидят до сих пор: Величкин, Битнер, Шевелев, Кривомазов, Зозулин, Ермаков и др., всего 17 чел. Стоящий под особым надзором Иосиф Петрушкевич приговорен к трем месяцам тюрьмы. Кроме него, здесь отбывают надзор: Ник. Ильин (дело Брянск. зав.), Павел Тоциский (дело Моск. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. 1899 г.), Валентин Фомин (киевское дело соц.-рев.). 17 февр. арест. Кристи, служащий Владикавказск. ж. д. Говорят, найдено много литер. 18 февр. арестовано 7 раб. из ж.-д. маст. Все отправлены в Екатеринодар. — Таганрог. В половине февраля пришел приговор по делу рабочих, арестованных 25 марта 1902 г. Преданы были Росляковым. Обвинялись в организации кружков и пропаганде среди рабочих. Солдатову — ссылка в Архангельскую губ. на 4 года, Новикову, Жилину и Качанову — по 6 мес. тюремн. заключения. — Иркутск. Арест. раб.: Стижинский, Фураев, Яныкин, Глушков и др.; гимназист 7-го кл. Рубинштейн (вып.), учит-ца фельдш. школы Суссер и ссыльная М. Гуттовская. — Якутск. «Прошанный моск. студ. Игорь Гудилевич сослан на 5 лет в отдаленнейшие места области (по оговору местного реалиста). — Москва. В тюремной больнице находится литератор Бунин. В феврале, кроме уже упомянутых, арестованы: курс. Андреева, студенты Гуров, Страхов, Анфурьев; слуш-ца фельдш. курс. С. Штаден; рабочие: Филиппов (с Прохор. мануф.), Хитров, Туманов, Истоминский. — Ярославль. 10 февр., кроме упомянутых раньше, арестов. рабочий Гричин, ученики торгово-промышленной школы Китаев и Дубинин; обыски у Дидрихиль и Воронина. — Харьков. В начале февраля арестов.: Крамаревская, Пузанова, Левандовская, Перли, Зайкин, Лагун, рабочие Карпенко и Никитин; в конце февраля — акушерка Горячева. С 9 на 10 марта — Циглер, Огарев и несколько рабочих. — Одесса. В янв. и феврале арестованы: Шухад (экстерн), Копчинский (сапожник), Баскин (цирульник), Вишняцкий (переплетчик), Беликов (слесарь), Мишнер (портной), Айзенберг (апт. учен.), Вильнер (наборщик), Арешштейн (токарь), Грановский (экстерн), Аванченко Макар (заводск. р.), Басов (экстерн), Горнштейн (электротехн.), Миллин (сапожн.), Шейнис (чернораб.), Людвицкий, Кац (портной), Сызранцев (зав. раб.), Никифор Зерчук (столяр), А. Копилевич (пекарь), И. Копилевич (портной), Гройсман (столяр). На-днях из здешней тюрьмы выслано 15 чел. (в том числе одна девица). Из них — Израиль Кочуровский (по делу о динамите) и Л. Гринблат — в Москву, Иос. Кричевский — в Тулу, Анна Барышник — неизвестно куда. Выслали внезапно, не дав возможности снестись с родными. — Кишинев. Последовала новая, столь же суровая серия приговоров по старым делам. Интелл. Григ. Коф сослан на 5 л. в В. Сиб., пятеро рабочих, арестованных вместе с ним, выслано в Сибирь на 4 года. Выпущен приказчик Беленький. Режим в тюрьме все более невыносим. 14 марта арест. Могилевский с 6 пудами лит. (соц.-рев.), тогда же взяты студ. Панфилов, Кречмар, раб. Корнблит и еще 6 раб. — Гродно. 16 янв. арест. на улице Ш. Качульский; 22 февр. за демонстрацию на похоронах Бенецкого — три брата Вольгели и еще двое рабочих. Из Ковно в здешнюю тюрьму привезен Орловский, из Крынок — рабочие Диамант, Лидер и еще двое, из Белостока — 26 демонстрантов (в том числе учен. ком. училища Вольфсон и гимн-ка Розенталь). Сидевшие по одесскому делу Бернштейн и Бронштейн сосланы до пригов. в Вост. Сиб. — Козловский уезд, Тамбовской губ. 14 февраля в дер. Кочетовке арестован А. Алешковский, братья Лукины, сестры Никитиновы, учителя Кошкар и Солопанов, д-р Никулин, студ. Семилетов и более 20 крестьян. — Ростов-на-Дону. После демонстрации взяты Нагель, раб. Нагель и д-р Азов. — Елисаветград. В середине января 10 обысков, 14 февраля на одной квартире арест. 6 рабочих; седьмой скрылся. — Екатеринбург. В январе арестовано 11 человек: двое рабочих и учительница из Нижне-Таг. завода, инт. В. Кисинский, Медведев. Остальные екатеринбургские и верхнеисетские рабочие. Много обысков. В начале марта пять обысков на Алапаевск. заводе, арест. чертежник Мунчук. — Орлов, Вятской губ. Какие-то мальчуганы расклеили

здесь «преступные» прокламации. По этому случаю полиция сделала обыски у мальчуганов. У двух из них нашли две нелег. брошюры и два листка. Один начал болтать, в конце концов, произвели обыск у полит. ссыльного К. Попова. В Нолинске обыватель передал полиции пришедшие на его имя один пуд 14 фунт. литературы, причем оговорил ссыльного Николаева, как истинного, будто бы, адресата. В Малмыжском и Елабужском уездах были аресты по деревням, причем в первом уезде несколько крестьян арестовано. — Баку. С первого на второе марта арест.: Богдан Кнуныанц (в четвертый раз), Тигрин, вольноопред. (в третий раз), Голикова (во второй раз), студент Хунтадзе, акушер. Данюшевская, Козаренко (рецид., сотрудник «Бак. Изв.»), землемер Соколовский, Крейнум (сионист), раб.: Вишневский, Самараев (во второй раз), Майнер, Гинзбург и др. Почти все выпущены. — Кременчуг. В середине марта арест. Анчилавский, Виленский и г-жа Залковер, приехавшие из Одессы; раб. Данилов, Брагинский и еще один; в арестах замешан провокатор — столяр «Гришка».

В феврале из Александровской (в Ирк. губ.) пересыльной тюрьмы отправлена «зимняя» партия в девять чел.: рабочие из Севастополя Трофим Коротков и Абрам Кремшевер — на пять лет в Якутскую обл. по делу соц.-рев. в Севастополе, Гатовский — на пять лет в Якутск. обл. по делу Раб. партии политич. осв. Росс., раб. М. Грабб — из Минска по делу Бунда — на четыре года, М. Берлин, вольноопред. из Киева за попытку освободить заключенного Урицкого — на четыре года, Ал. Крупский — на пять лет в Якутск. обл. по делу Паули, Арон Залкинд, раб., был в ссылке в с. Знаменке, за хранение нелег. лит., набавлен один год ссылки; Голленштейн, одесск. рабочий по с.-д. делу и Бродская следует за муж. (по Николаевск. с.-д. делу).

Сосланы: из Уфимск. губ. на 5 л. в Якутск. обл. пом. прис. повер. М. Б. Смирнов, бывший в ссылке по делу «Раб. Знам.»; из Чернигова на 5 л. В. Сиб. г-жа Мандельштам (по пет. делу «Искры», дек. 1901 г.).

Бежал из Иркутска и благополучно прибыл за границу студ. Моск. унив. Киселев, которого местная жандармерия бросилась арестовать после собрания, на котором Кулябко-Корецкий читал свою лекцию и где ему был прочитан адрес от ссыльных студентов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

—ъ. Отчего ничего не присылаете? Адрес, которым вы пользовались раньше, годится. — Солдату. Вырезка получена.

Чернильнице. Получено. Просим и впредь пользоваться тем же адресом для всяких присылок и сообщений.

Корресп. из Финляндии отлагается за недостатком места.

Получено: А. В. 90 р., В. С. 50 р., С. Д. 60 р., в О. К. от искровца из П. 156 р., чер. Г. С. Д. 341,10 мар., из них чер. Цеткину в пользу О. К. 78,45 мар., из Лозанны с реферата Александрова 20,55 фр. и с вечера в память Маркса 90 фр., чер. Кольцова 150 р., из Брюсселя 67,50 фр., от русск. с.-д. кружка в Лондоне 1 ф. ст., от Ф. из Нью-Кестля на «Искру» 10 шилл., за «Искру» из России 3 р., чер. Женеву из Екатора. 3 р., из Мюнхена 200 мар., из Монпелье для стачечников фабр. Штиглица 25 фр., из Цюриха с бала 100 фр., с вечеринки 13 фр., из Вены за лит. 23,95 фр., за майскую лит. 30,30 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. В тексте явная ошибка, так как Иван V (1666—1696), сын царя Алексея Михайловича, никаких грамот не давал.

Прим. 2. Котошихин Гр. К. — подъячий посольского приказа при царе Алексее Михайловиче. В 1664 г. К. был прикомандирован к армии кн. Долгорукова и, не поладив с ним, бежал в Швецию, где написал свой труд о России, ставший одним из важнейших исторических памятников XVII в.

Прим. 3. В подлиннике, очевидно, опечатка; следует: «комедийные». Под черниговскими и саровскими комедийными действиями здесь подразумеваются открытия «нетленных мощей», произведенные официальными руководителями православной церкви с большой торжественностью.

Прим. 4. Речь идет о конфиденциальной записке мин. фин. С. Ю. Витте с предисловием и примечаниями Р. Н. С. (П. Струве), выпущенной в 1901 году «Зарей» под заглавием «Самодержавие и земство».

Прим. 5. Моя вина, моя величайшая вина!

Прим. 6. См. прим. 4-е к № 28 «Искры».

Прим. 7. Шипов Д. Н. (р. в 1851 г.) — земский деятель, в 1893—1904 гг. председатель Московской губернской земской управы, теоретический и практический руководитель правого крыла земских либеральных деятелей, хотел добиться созыва правительством совещательного представительного органа. Во время первой русской революции Д. Н. Шипов примкнул к октябристам. Впоследствии был членом Ц. К. партии мирного обновления. Шипов умер в период гражданской войны.

Прим. 8. Гюйо Ив. — французский буржуазный писатель, социолог и госуд. деятель конца XIX в. В 1889 — 1892 гг. был министром общественных работ. Начав с радикализма, он потом перешел в буржуазно-консервативный лагерь и боролся против социализма.

Прим. 9. Журнал «Новое Слово», издававшийся О. Н. Поповой, был передан ею в начале 1897 г. в руки марксистов. Начиная с марта 1897 г. «Новое Слово» объединяло на своих страницах революционных марксистов (Ленина, Плеханова, Мартова, Потресова, Засулич) и «легальных» марксистов (Струве, Булгакова, Туган-Барановского, Бердяева). В декабре 1897 г. журнал был закрыт.

Прим. 10. Соц.-демокр. организация в Туле ведет свое начало от с.-д. кружков, созданных там в начале 90-х годов членами Брусневской группы: Мефодиевым, Буяновым, Минаковым, Можайским (член «Сев.-Русс. Раб. Союза» С. Халтурина) и др. В 1893—1894 гг. эти кружки были разгромлены жандармами, но с.-д. работа все-таки в Туле не прекратилась. В течение 90-х годов в Туле работают соц.-дем.: И. И. Савельев, А. А. Малиновский (Богданов), В. А. Руднев (Базаров), Величкины, Бойковы П. А. Симяренко и др.